

The top half of the book cover features a photograph of the Eiffel Tower in Paris, France, set against a dramatic sunset sky with golden and blue tones. The city skyline is visible in the background, bathed in the warm light of the setting sun. In the top right corner, there is a circular badge with the text "16+".

16+

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН 4

Александр Леонидович Кириллов

Время перемен 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66636946

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93858-8

Аннотация

Виктор Калинин, совершив по пути очередные подвиги, возвратился в родную страну. И снова перед ним встал вопрос, какой путь избрать в своей жизни – обычного военного пенсионера или что-то иное, более интересное.

Содержание

Глава 1. Круизные приключения	4
Глава 2. Дорога домой	23
Глава 3. Возвращение	39
Глава 4. Личное дело или каждому свое	63
Глава 5. Воспитатель	92
Глава 6. От судьбы не убежишь	108
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Александр Кириллов

Время перемен 4

Глава 1. Круизные приключения

Гарри Крэббс безвылазно сидел на своей вилле или передвигался по городу, пользуясь разными мерами предосторожности: менял машины или отправлял пустышки, окружив себя охраной, и так далее. «Мэтт умер, следующий я», – размышлял о жизни бизнесмен, сидя в своем любимом кресле в рабочем кабинете.

Вчера похоронили его помощника и компаньона Мэтта Баркли.

– Папа, ты устал, давай уедем отсюда!

– Давай, Диана, уедем в Штаты и будем спокойно там жить. Надоела мне эта Африка.

– А твой бизнес?

– А что бизнес? Тут останется мой управляющий, Харрис, он в теме всего. Иногда я сам буду приезжать сюда, контролировать ход дел, а руководить можно и из нашего офиса в США.

– Но, пап, когда ты здесь, ты на всем держишь руку!

– Оливия, я хочу жить и дать возможность выжить вам.

– Виктор также сказал, что ты жив только потому, что смо-

жешь защитить нас.

– Виктор, Виктор! Значит, ты обманула, сказав, что он начал охоту на меня?

«Папа, он сказал это, когда Мэтт был жив, а что он сделает дальше, я не знаю. Из-за твоего поступка он ушел от нас с Оли, боюсь, что навсегда. Поэтому, только ты остаешься нашим защитником, чтобы остаться богатыми наследницами. Не станет тебя, и тот же Харрис первым оттяпает львиную долю твоей империи. Прошу тебя, давай уедем в Штаты, куда угодно! Я хочу все забыть...» – сказала девушка и расплакалась.

– Да, Ди, так мы и сделаем! Надо успокоиться, а то нервы стали совсем ни к черту. Не стало Роуза, а радости нет, и желания бороться за его наследство, тоже нет. Все-таки с возрастом понимаешь, что жизнь дороже денег.

Через пару месяцев, завершив необходимые дела по текущим бизнес-проектам, семейство Крэббсов покинуло Африку, осев в Калифорнии.

Ничего этого о метаниях Крэббса я не знал, поэтому действовал по своей программе, находясь на нелегальном положении. Я снова отследил знакомую мне даму и, тайно следуя за ней к ее жилищу, у калитки быстро подошел к ней.

– Амалия!

– Ой, Лео, ты меня напугал, так незаметно подошел.

– Давай, зайдем во двор.

Мы быстро зашли во двор, где я обратился к ней с вопро-

сом: «Я снова к тебе с той же просьбой, сможешь?»

– Ты решил стать двухкратным гражданином нашей страны?

– Мне нужны чистые документы, чтобы начать жизнь благообразного бургера.

– Виктор, я постараюсь подыскать что-то удовлетворяющее тебя. Когда мы снова увидимся, куда ты пропал?

– У меня были трения с Роузом – это ты знаешь, а затем и с Крэббсом.

– Так вот почему Роуз умер, у него оказались сложности с тобой. Я очень испугалась, когда ко мне ввалился его горилла, Хэнк Маккай.

– Маккай тоже нет, так что не беспокойся из-за него.

– Но Крэббс тоже очень опасный человек.

– Вот поэтому и с ним у меня трения. Мне надо, чтобы он не знал о том, что я обращался к тебе еще раз.

– Хорошо, если он или его люди спросят, то я скажу, что встречалась с тобой, но не по работе.

– Да, так и отвечай. Вдруг его люди нас видели или увидят – не стоит врать там, где это можно проверить.

– Ой, как же здорово, что ты снова появился. Я рада, что ты живой. Лео кто ты?

– Наёмник, Амалия, бывший русский спецназовец.

– Так, значит, ты решил уйти на покой, раз тебе нужны чистые документы? Ты избавишься от Крэббса?

– Нет, у него две дочки и я решил не лишать их отца и

защитника, хотя очень хочу пристрелить его.

– Это бизнес, Лео, там, где крутятся хорошие деньги – нет дружбы, есть лишь интересы.

– Ты сказала практически словами Уинстона Черчилля: «У Британии нет союзников, у нее есть лишь ее интересы». Я хотел бы выбрать себе имя сам.

– Станешь тем, кого я подберу, а затем официально сменим тебе имя и фамилию.

В итоге, согласно новым документам, мое новое ФИО звучало, как Соломон Авраам Левин, гражданин Израиля, Италии и Танзании.

– Кем он был?

– Торговец средней руки, контрабандист и один черт знает, кем еще. Умер недавно в криминальных разборках, по крайней мере, не дома, а на улице от выстрела в упор.

«Ну что, Соломончик, – обратился я сам к себе, – а не податься ли тебе в благословенный Израиль, чтобы таки стать благоверным израильтянином, а то и ортодоксальным, носить пейсы и широкополую шляпу, ходить в синагогу, отдыхать по субботам и читать Талмуд.

Тут же память подсказала, что в Ветхом Завете в Книге Бытия слово израильтянин означало богоборец, а иудей – богохранитель, так что, изначально, эти понятия обозначали не национальность или государственную принадлежность, кои они приобрели в наше время, а указывали на религиозный статус человека. Так что все люди на Земле, независимо от

религии, были или израильтянами, или иудеями или безбожниками.

В общем, кем бы я ни был по новому паспорту, а в душе я оставался русским, а раз я за рубежом, то зарубежным русским. Поэтому направил свои стопы в районное отделение Департамента иммиграционного контроля, где после определенных бюрократических процедур стал Алексом Кингом, то есть Александром Королевым. В ближайших делах я также планировал пользоваться паспортом мистера Макинтоша, а паспорт товарища Кинга, вместе с большой кипой документов, забранных мной из виллы Роуза, был положен в арендованную ячейку в Дар-эс-Саламском представительстве американского банка «Citigroup».

Вечером мы встретились с Амалией в простенькой гостинице, проведя бурную ночь, а на следующий день я тихо покинул этот город, а попросту говоря, сбежал. Для начала я свалил на Занзибар, затерявшись в местных бунгало и провалявшись недельку на пляжах Индийского океана. Никто меня не искал, никому я был не нужен, поэтому успокоившись, отправился в морское путешествие вдоль побережья Африки.

Я плыл на относительно небольшом трехпалубном круизном корабле каботажного плавания, то есть курсирующего вдоль берегов, а не в открытом океане, по маршруту город Занзибар – порт Аден, в котором круиз заканчивался. А уже оттуда я собирался прокатиться в Оман, ну захотелось по-

смотреть на эту страну, затем в Эмираты, откуда прилететь в Россию.

Коллектив отдыхающих был довольно разношерстным. Среди курортников, гуляющих по палубам теплохода, были знойные негритянские «поп» модели, путешествующие со своими «папиками», несколько семей и одиноких представителей Европы, шумные американцы и еще более горластые китайцы, куда же без китайцев. Насколько я понял, все они отдыхали на Сейшелах, Занзибаре или материковой части Танзании и к пляжному отдыху добавили еще и экскурсионный – сафари, а затем и морские круизы.

Мы проплывали Кению, зайдя на сутки в ее столицу Момбасу, где на экскурсии по городу ездили на смотровую площадку, с которой видели возвышающуюся вдалеке искрящуюся на солнце снежную шапку горы Килиманджаро – самую высокую точку Африки высотой 5895 метров над уровнем океана. Интересно, есть там еще скамейка с вырезанными на ней тремя русскими буквами, о которой рассказывал Задорнов на своем концерте или ее уже заменили? Когда я был на горе вместе с дочками Крэббса, совсем забыл проверить этот момент.

Потом мы снова плыли, идя вдоль берегов Кении на север к экватору. Холостяки, точнее говоря, одинокие туристы сбивались в кучки, дегустируя коктейли, обсуждали и даже делали попытки волочиться за прекрасным полом, несколько представительниц которого, также плыли на корабле.

Во время путешествия курортники гуляли по палубам, купались в бассейне корабля, собирались в компании по возрастам и интересам. Ну, какой обычно интерес у мужика на отдыхе – алкоголь и бабы. Я флиртовал с американкой, Джессикой Лонг, чем-то напоминающую главную героиню фильма "Основной инстинкт", вызывая у меня этот самый инстинкт, особенно когда поддашь алкогольных коктейлей в баре.

С утра из рубки капитан вещал: «Уважаемые туристы, слева по курсу лежит государство Сомали, со столицей Могадишо, где у нас будет короткая обзорная экскурсия. А часа через четыре мы пройдем экватор. Его мы узнаем по впадению в океан большой реки с названием Джубба, при пересечении которого у нас запланировано мероприятие. Справа простирается Индийский океан, смотрите, леди и джентльмены, нас сопровождают касатки. Еще через пару суток мы подойдем к сомалийскому полуострову, напоминающего рог носорога. Затем по Аденскому заливу прибудем в конечную точку нашего круиза, порт Аден».

Я стоял рядом со своими новыми знакомыми и рассказывал им немного подробнее об Африке: «Сомали, это отличная база для современных пиратов. Забытая Богом земля, почти 90 % территории которой занято обширными кустарниковыми полупустынями и сухими саваннами, расположенными на песчано-известняковых плато от 500 до 1500 метров высоты – то есть человека, решившего там погулять,

ждет изнуряющая жара и жажда. Лесов там очень мало и они растут вдоль источников воды, представляя собой 20-метровые фикусы, гарцинии, акации, финиковые пальмы. А вот с юга, от границы с Кенией к столице Могадишо раскинулись широкие долины полноводных рек Джубба и Хаби-Шабели, покрытые лесами с настоящими джунглями, а вдоль берега океана – мангровыми зарослями.

«Как красиво и романтично!» – пропела очень симпатичная отдыхающая из Америки.

– Все верно, но не стоит забывать, что в комплекте к романтике идут жара, ливни, малярия, тропическая лихорадка, ядовитые змеи и ужасные насекомые – бррр, как вспомню, так вздрогну. Ко всему прочему, путешественника по джунглям могут ждать львы, леопарды, гиены, а обглоданные турупы путешественников еще и шакалы. В прибрежных зарослях речных долин обитают дружелюбные слоны, носороги, бегемоты и крокодилы, всем своим видом как будто приглашающие вас к вашему последнему купанию в реке. И, учитывая все вышесказанное, это очень бедная страна со всеми вытекающими отсюда социальными проблемами».

– Джордж, вы путешествовали по таким местам, Боже мой, как вы выжили?

– Не совсем здесь, но по джунглям и саваннам пришлось погулять пешком, а не на джипе. Пресквернейшее, скажу вам, это занятие. Романтика путешествия закончилась, как только я удалился на день пути от центров цивилизации, что-

бы не сбежать назад, попав в настоящие джунгли. И стало совсем печально, когда меня укусил паук. Вот тут я чуть было ласты и не склеил. Спасибо местным аборигенам, нашли меня и отпоили отваром из какого-то дерева, целый мешочек листьев которого я набрал с собой в дорогу. Пусть они завяли, но их наличие мне внушает успокоение.

– Боже мой, Джорджи, вас укусил паук. Какой же он был?

«Двадцатисантиметровое чудовище, все волосатое и с шевелящимися жвалами, – улыбаясь, бухтел я, – только увидев его на себе, я чуть не помер от страха. Попытавшись сбросить его с себя, случайно придавил, и он – он оказался шустрее и укусил меня, впрыснув в меня стопку, нет, целых две стопки яду, чтобы насосаться моей крови, когда я усну от его действия. Тогда все поплыло перед моими глазами, я упал, а он забрался на меня ипил мою кровь».

Не стал я рассказывать о том, что вообще-то меня укусил не тарантул, а небольшой мохнатый прыгающий паучок с красивым узором на спине и неприятной гроздью глаз на морде.

– Господи, какое чудовище, а тебя спасли зулусы и масаи, как это романтично.

– Оба племени сразу. Ну как сказать – романтично, потыкали в меня копьем для начала, оказалось, что я еще живой, тогда стали спасать, и прожил я у них больше полугода.

– Ох, Джорджи, ты герой!

Матросы готовились к празднику, а затем капитан сооб-

шил о том, что мы тоже стали великими путешественниками, потому что пересекли экватор. Раз мы пересекли экватор, то по морской традиции, все должны искупаться или быть облиты водой с «самого экватора», после чего нас ждет фуршет. Прodelав под радостный визг дам и детей все эти праздничные процедуры, нас оставили в покое, выкатив на верхнюю палубу на столиках закуски и алкоголь.

Мужики из нашей компании пытались ухаживать за Джесси, но я оказался самым колоритным из них – этакий загорелый южный мачо с атлетичной фигурой и приличными бицепсами, поглядывая на которые, пузатенькие отдыхающие как-то тушевались. Поэтому я, как-то само собой и стал ее парем. Мы беседовали о разном, запивая разговор коктейлями из бара, и все шло к тому, что мы с Джессикой подружимся. Так что этой ночью мы уже дружили с ней в ее койке.

«Гористая местность, покрытая джунглями, бесчисленные лагуны и бухточки создают отличные условия для оборудования мобильных бандитских гнезд. Индийский океан бороздят пираты XX-го века, наглые, как любые пираты во все времена, но вооруженные современным оружием, радиостанциями и вполне неплохими катерами. Пытались навести порядок в этой стране мы, амеры и сами сомалийцы, но все было бесполезно. Страну всегда контролировали группировки боевиков с выдвинувшимися самостийными полевыми или морскими командирами», – вот такие мысли промелькнули в моей голове.

Вечерело, солнце опускалось над океаном, подсвечивая все небо необыкновенно красивым розовым закатом – ночью или завтра днем ожидался ветерок.

– Джессика, пойдем наверх, оттуда вид получше, а заодно, если удастся, то и с капитаном пообщаешься, может чего тебе на ушко расскажет интересное.

– Ой, Джорджик, не ревнуй, мы с ним только дружим. Смотри, рыбаки к нам плывут!

– Дружите себе на здоровье. Что-то не нравятся мне эти рыбаки на горизонте!

Вдалеке виднелась движущая в нашу сторону посудина.

– Пойдем-ка к кэпу.

Мы поднялись в рубку, и я обратился к вальяжно стоящему и смотрящему вдаль капитану.

– Салют первому после Бога!

– Хэллоу, Джордж, мисс Джессика, целую ваши ручки!

– Кэп, непонятная посудина к нам подгребает, не опасно ли это?

– Да, Джордж, мне она тоже не нравится, слишком уж целеустремленно гребет в нашу сторону.

– Что думаешь делать, кэп?

– Если это пираты, то что мы сможем сделать? У меня всего лишь несчастный пистолет в сейфе, пока вызовем помощь, нас всех либо оберут, что будет самым удачным вариантом, либо заберут тех, кто им понравится, либо пустят на дно, а сами с добром уйдут к себе в тайные бухты.

– Кэп, я бывший солдат, у меня неплохой ствол, так что можно и потрепыхаться.

– Сомневаюсь, что ты отобьешься, только разозлим их.

– И все же, рекомендую взять свой пистолет и быть готовым к бою, я положу «призывную команду», а дальше разберемся, только надо народ по каютам разогнать.

– Джорджи, ты собираешься воевать?

– Я бы не воевал, предпочтя сбежать, но бежать с корабля некуда, да и думаю, что блондинка им придется по вкусу, и ты вместо Адена отправишься в сомалийские джунгли. Ты как, готова выдержать десяток негритянских парней за первый прием?

– Все так ужасно?

– Этого нельзя исключать, мэм, увы, я сожалею.

– Капитан, так вызовите полицию.

– И что я им скажу? Что мимо нас плывет лодка с неграми? А когда они нападут, будет поздно, да и сомневаюсь я, что полиция Сомали приплывет.

«Окей, мистер Макинтош, если вы отвлечете их на себя, то я в деле, как смогу, прикрою вас», – пробасил подошедший к нам здоровый негр-безопасник, вооруженный пистолетом «Кольт».

Мы быстренько обговорили детали, как будем встречать товарищей пиратов. Капитан, старпом и боцман стали наводить кипиш на корабле, а я, отправив свою мэм в каюту, пошел присмотреть местечко, где можно будет спрятаться.

На корме, на самой нижней палубе корабля были установлены какие-то силовые агрегаты, лебедки с якорными цепями и прочие такелажные приспособления, спасательные лодки были на верхней палубе. А вот штормтрап спустят именно с нижней палубы, то есть метра четыре негритосы буду лезть по веревочной лестнице, поднимаясь со своей лодки к нам на борт, где я их и встречу.

Между тем процесс загона людей по каютам шел своим чередом. Но люди не спешили следовать указаниям команды, препираясь, выглядывая с палуб и наклоняясь через ограждения над морем. Катер, идя попутным курсом со сближением, уже подходил к нам, когда стоящий на его носу негр с автоматом дал очередь по курсу круизника. Вот тут народ побежал по каютам. Негры махали руками, давая понять, что надо останавливаться.

Капитан вышел и помахал рукой, что понял и корабль стал тормозить, то есть, поскольку тормозов у кораблей нет в принципе, дал обратный ход, а затем, вырубив машину, лег в дрейф. Катер подошел вплотную и на палубу полетели кошки, сцепившие нас с пиратами. Боцман с пистолетом стоял внутри надстройки корабля возле кают, а секьюрити спрятался со стороны носа, правда, далековато для пистолета, метрах в 30 от трапа.

Ни у кого уже не осталось сомнений, кто это такие, а жилистые полуобнаженные черные парни с оружием смеялись, показывая на нас. Я, выглядывая из-за вентиляцион-

ной установки, насчитал 10 человек: 9 на палубе и один за штурвалом в рубке – многовато, однако. Что там у них за пушки? На вертлюге установлен станковый пулемет, похоже, что «Minigun GAU-17» из семейства многоствольных пулемётов, с которым, точнее говоря, с его менее мощным собратом «Микроганом», Арнольд Шварценнегер уничтожал «Хищника» и плохих «Терминаторов», и китайскими «калашами». Наш матрос из негров сбросил веревочную лестницу, которую поймал такой же очень черный пират, и полез по ней наверх, перекинув автомат за спину. Вслед за ним полезли еще парни. Капитан и матрос стояли и встречали пиратов. Я поглаживал свою «Beretta-8000 Cougar» с пятнадцатизарядным магазином под распространенный патрон 9×19 мм и ждал. Долго выжидать тоже было нельзя, пойдя, поймай бандитов потом на корабле, если они разбегутся, так что для стрельбы необходимо было выбрать самый нужный момент.

Когда на палубу залезло четверо басурман, пятый еще висел на шторм-трапе, а шестой держался за веревочную лесенку и только собирался лезть, я начал стрелять. Положив четверых пиратов, которые уже вылезли на палубу и, пока еще, стоя кучно, препирались с капитаном, выглянул из-за борта и уложил пулеметчика и парня, висящего на трапе. Тут присоединился второй пистолет и еще два негра повалились на палубу. Кэп схватил автомат с палубы и засадил очередь по рубке катера. В зоне видимости все плохиши вроде бы были уничтожены, когда я краем глаза заметил какое-то дви-

жение за капитаном, выглядывающим за борт с автоматом в руках.

Раздались вскрик и матрос, стоящий возле капитана, упал на палубу, а вскочивший негр, дав очередь из автомата внутрь палубной надстройки в коридорный проход к каютам, метнулся туда же.

– Твою мать, не добил, то-то мне показалось, что один слишком рано упал, получается, симитировал ранение – умный гад.

Я побежал на другую сторону палубы и оттуда рванул ко второй двери входа к каютам. Приоткрыв дверь, я постоял и, присев на корточки, заглянул в коридор. На полу лежал боцман.

– Куда ранен?

– В грудь, больно очень, пират наверх побежал.

Я вышел на палубу, где кэп сидел возле раненого матроса и стоящего рядом секьюрити. Схватив китайский «калаш», я двинулся следом на верхние палубы. За мной пошел охранник.

– Том, думаю, что пират рванет в рубку, чтобы заставить капитана подвести корабль к берегу.

– Согласен, Джордж, мои действия?

– Ты появляешься на палубе и, только немного показавшись, ведешь переговоры с ним. Пока ты его отвлекаешь, я обойду рубку с другой стороны и уничтожу пирата в спину.

– Понял, действуем.

Мы поднялись на третью палубу, я шел первым, Том за мной, когда впереди послышалось какое-то шебуршение, а следом мужской и женский голоса.

– Я не пойду, не толкай меня, ай, больно.

– Быстро пшла!

Даже не видя говорящих, я понял, что случилось и кто попал в переделку.

Я быстро поднялся и зашел во второй, параллельный, коридор верхней палубы, а Том встал в коридоре, начав громко говорить, предупреждая пирата.

На него вышел пират, держащий пистолет у виска девушки, коей оказалась, естественно, любительница приключений, незабвенная Джессика Лонг. Девушка немного сопротивлялась, но после грубого пинка под зад и постукивания стволом по виску, покорно пошла вперед. Пират закрылся девушкой, все так же держа пистолет у ее виска, став спиной ко мне и заговорив с Томом.

– Брось пистолет, пропусти меня в рубку, иначе я ее застрелю.

«Пожалуйста, проходи, я кладу пистолет на дорожку», – произнес Том и медленно наклонился, положив пистолет на пол коридора.

Я выглянул за угол, Том наклонился, девушка тоже стояла слева от Тома, то есть они не были на линии огня. Пират стоял в двух метрах от меня, да еще и спиной. Недолго думая, я выстрелил ему в затылок из пистолета, резко метнувшись

к его руке, держащей оружие. Он дернулся и сразу рухнул к ногам Джесси, так что пистолет просто повис на его пальце, лежащем на спусковом крючке и удерживающийся скобой. Я забрал оружие и, перевалив пирата через борт, выкинул его труп прямо на палубу их катера.

– Джесси, объясни, ты зачем вышла из каюты?

– А как же, Джорджи! Ты там воюешь, а я в каюте. Зато я видела, как они падали на катере – вначале упал пулеметчик, потом пират у веревочной лестницы, потом в рубке и на носу корабля. Ты всех их уничтожил! Ты мой герой!

– Подожди, дорогая, Том уничтожил того, кто на носу и у трапа, бандита в рубке убил кэп, а я снял пулеметчика и мужика прямо со штормтрапа. Так что мы все поработали, вот только одного упустили.

– Но, ты же его убил! Я знала, что ты меня спасешь.

– Ясен пень, спасу, просто принцессы имеют одно неприятное свойство.

– Какое, милый?

– Они всегда находят приключения на свою пятую точку, а простым парням, типа меня, приходится их спасать.

Так за разговором мы спустились вниз. Там уже шуршал судовой доктор, делая первичную обработку раненых. Матрос получил дулом автомата по зубам, поэтому отделался относительно легко, а вот боцман был плох.

Я слазил с Томом на баркас, забрав из небольшого сейфа деньги, коих набралось около двух тысяч долларов, десятка

два автоматов, переносные рации и все, призывы кончились. Деньги мы решили отдать боцману или его семье и баксов 300 «на новые зубы» матросу. Оружие я отдал Тому, тела выкинули в море, баркас подожгли и бросили дрейфовать.

Корабль изменил курс и полным ходом шел в Могадишо, чтобы сдать боцмана в клинику. Пассажиры снова гуляли по палубам, Джесси без умолку тарыхтела, собрав вокруг себя большую толпу теток всех возрастов, рассказывая, что их ждало бы в плену, если бы не Джордж, Том и кэп, а также матрос и боцман.

Мы со свободными от смены матросами потихоньку лечили нервы в корабельном баре. Корабельный док сидел возле боцмана в медчасти, кэп, очень довольный, ходил по кораблю, слушая, как им восторгаются пассажиры.

– Жаль Мотулу, что я скажу его семье.

– Да, действительно, хитрым оказался пират, а Мотулу должен был встать за перегородки, куда ему сказали. Кто же в коридоре на прямой наводке стоит, глупо подставился.

– Да, глупо, но я подумал, что ты всех положил.

– Он был дальним и прикрыт впередистоящим негром, которого я положил первым, поэтому успел среагировать и вовремя упасть.

– Кстати, у него кровь на темечке и сантиметровая борозда содранной кожи – скользнула по нему пуля-то.

– Да, доли секунды или сантиметр сыграл свою роль. Попади пуля на сантиметр ниже, и он не встал бы, а так лишь

чиркнула по голове.

– Не возражаешь, если я автоматы продам, и деньги мы поделим с командой.

– Не вопрос, только Джесси дайте денежный приз – она здорово облегчила мне задачу.

– Согласен, Джордж. Да, придется заявить полиции о твоём участии, и ты дашь показания. Джесси так раструбила о твоей роли в этом деле, что тебе не отвертеться.

– Н-да уж, раз такое дело, то дам.

Глава 2. Дорога домой

Я с некоторым волнением ожидал встречи с полицией. Разрешение на пару стволов, в том числе и этот пистолет, у меня было, их я оформил при Крэббсе, когда был телохранителем его дочек. Документы на меня – вот сейчас и проверим их надежность.

Но все прошло тихо и спокойно, мои документы отсканировали, я дал показания и был отпущен. Тоже самое произошло со всеми участниками событий. У меня создалось впечатление, что наши показания даром никому не были нужны, типа, оформляй тут еще ваш бред, только лишнюю работу принесли нам, ответственным сотрудникам полиции, а бандиты, ну убили их, и убили. А я еще раздумывал, свалить или нет перед встречей с полицией, все же пострелял людей. Но оказалось, что смысла уходить в бега не возникло, никому я тут не был нужен. Так что я также плыл в Аден и уже оттуда собирался спокойно двигаться по запланированному маршруту.

Ночевали мы на корабле, пришвартованному в порту, а утром была запланированная экскурсия по центру и базару столицы Сомали, где я прикупил простеньких сувениров. А затем мы плыли дальше, а я снова сидел в баре корабля, дегустируя местные напитки.

– Джорджи, я жду тебя в каюте, быстрее приходи.

– Хорошо, несравненная.

Заболтавшись с мужиками, обсуждая прошедший бой с пиратами, футбол и вообще политику США во всем мире, я совершенно забыл о Джесси. Глянув на часы, на которых прошло больше трех часов с ее появления и реактивного исчезновения, я извинился и отправился к ней в каюту.

– Джорджи, я ждала тебя, где ты был?

– Летел к тебе на крыльях любви!

– Три часа?!

– Прости, дорогая, ветром сносило.

– Ах, Джорджи, обними меня скорее и покрепче.

Отдохнув после эротичного отдыха и выглянув в окно каюты класса люкс, расположенной на верхней палубе, я увидел необычный свет вокруг корабля. Конечно, мы вышли на палубу. Ночью всё море светилось из-за миллиардов плавающих в воде светящихся одноклеточных микроорганизмов – биолюминесцентного фитопланктона, так что казалось, что звездное небо упало в море и утонуло в нем. Я фотографировал это и снимал видео на свой фотоаппарат, Джесси на свой телефон, а другие туристы на все, что могло снимать.

Утром розовый рассвет окрасил небо, ожидалась ветреная погода. Пока над нами небо было чистым, лишь где-то вдалеке появились очень тонкие перистые облака, скользящие над землей на высоте до 10 километров.

Мы с Джесси стояли на палубе, рядом прогуливались другие курортники, недалеко от нас на мостике взирал на море

наш капитан. Все шутили, улыбались, периодически вспоминая пиратов, светящееся море и чудеса Индийского океана, а также различные легенды. Я наводил свой фотоаппарат «Сони» с довольно неплохой оптикой на различные места океана, когда вдруг в объектив попала какая-то несуразность. Я снова поймал то место в объектив, оно было метров в 100 от корабля, и понял, что там плывет какая-то большая рыба.

«Кэп, погляди в бинокль – расстояние 100 на два часа, что там за ерунда плывет?» – заорал я капитану.

Окружающие курортники стали оглядываться, услышав мой крик, и всматриваться в море. Вдруг кэп, рассмотрев в бинокль то место, куда я указал, закричал: «Разрази меня гром, это огромная белая акула! Похоже, она запуталась в рыболовных сетях».

– Акула, это акула! Капитан, давайте подойдем поближе.

– Не шумите, подойдем, самому интересно.

Кэп дал команду: «Рулевой, 1 румб вправо», – и матрос чуть повернул штурвал, ложась на курс к рыбине.

Корпус корабля подходил все ближе и ближе к акуле, нависая над ней огромной скалой. Акула попыталась уйти с траектории движения корабля, но даже не смогла толком пошевелиться, настолько она выбилась из сил, борясь с техногенной напастью. Действительно, вся пасть, голова и часть тела были обвиты порванной рыболовной сетью.

«Так это же Белянка! – вырвалось у меня, когда я увидел на здоровенной акуле плавник с вырванным пулей куском

мяса. – Это моя давняя знакомая».

– Джордж, ты серьезно, расскажи об этом.

– Кэп, давайте притормозим, я спущусь и помогу ей.

– Джордж, я видел отчаянных отморозков, но таких, как ты, нет. Добровольно лезть в пасть шестиметровой акуле! Джордж, я не могу, я не прошу себе, если она слопает тебя или оттяпает руку или ногу.

– Я ей должен, встань в дрейф, кэп!

– Ну, Джордж, ну ты и сорви-голова! Боб, полный назад, стопори машину, мы ложимся в дрейф.

Операция по спасению акулы началась. Вооружившись кусачками и ножом, обвязавшись веревкой за плечи и торс, я спустился по штормтрапу, нырнув в воду, и стал подплывать к акуле. Я видел ее глаза, смотрящие на меня, как мне показалось, с какой-то обреченностью очень уставшего существа.

– Белочка, Беляночка, сейчас я тебе помогу, ты только не ешь меня.

Так, бормоча всякую ерунду скорее для своего же успокоения, я подплыл к ней и стал разрезать веревки сетей. Вначале у меня все тряслось, хотя я понимал, что она настолько ослабла, что даже ударить хвостом меня толком не сможет, а пасть наглухо обвязана сетью. Но, несмотря на это, вода – это ее стихия, а не человека, тут она королева, а я неумелый любитель, поэтому мне было реально страшно. Но работая, я так увлекся, что обнаружил себя подобранным к ее пасти. Акула просто лежала, покачиваясь на волнах, прикрыв глаза

защитной пленкой-веком. Сверху за мной следили десятки глаз, а пара матросов держала веревку, готовые в любой момент потянуть меня вверх.

Акула из-за строения челюстей атакует как бы снизу, хотя у белой пасть так раскрывается, что мне кажется, будто ей все равно, как кусать. В общем, я сделал еще несколько надрезов под нижней челюстью и заорал, чтобы меня тянули, а сам уцепился за полуразрезанную сетку на ее пасти и голове. Меня стали поднимать, а я потянул сетку.

– Стой, твою дивизию, не идет, надо еще надрезать.

Снова меня опустили, только сейчас пасть акулы почти освобождена и... Мне снова стало страшно, зачем-то вспомнился замечательный советский фильм «Последний дюйм», где у главного героя, снимавшего акул на фотокамеру, эти акулы откусили кисти рук.

– Соберись, все идет замечательно, она не дура, все понимает, так что давай вперед и не бойся!

На палубах люди замерли в ожидании развязки. Нож все ближе и ближе разрезал путы, сковывающие пасть акулы, а накатывающие маленькие волны почти полного штиля покачивали меня, стучая мое тело о тело акулы. Я надрезал еще, еще и...

Рыбина резко дернулась, и сетка осталась у меня в руках, а перед моим носом оказалась пасть почти с метр в диаметре с очень красивыми конусообразными зубами в несколько рядов.

– Ах!

– Джорджи!

– Боже мой!

Акула ткнула своей зубастой мордой меня в лицо и, развернувшись, уплыла в глубины океана. А я?! Я отделался тем, что наглотался океанской воды, без всяких неудобных происшествий.

«Джордж, – орал наш пассажир, настоящий фанат фотографии, канадец украинского происхождения Дэм или Дима Савчук, как я называл его, – Джордж, вот это кадр, я сейчас сделал много кадров, но последний, это просто шедевр!»

– Что за кадр?

– Поцелуй акулы! Я заснял, как тебя ткнула своей мордой в лицо шестиметровая белая акула! Я пошлю ее на фотоконкурс в Монреале. Мне не поверят, скажут что это фотомонтаж, но я докажу, что это правда, и у меня есть свидетели – вы. Мы займем первое место!

– Пошли, пошли.

– А я сделала видеозапись последних минут твоего спасения.

– Отлично, Джесси, надеюсь, что вы сбросите мне эти кадры на флэшку или на электронную почту.

– Да, да, скинем.

– Что ты чувствовал, Джордж?

– Если честно, то страх, потом азарт и желание помочь, потом очень испугался, ощутив «поцелуй ББ-акулы». А сей-

час, друзья, радость от выполненного дела и от ваших эмоций! Вечером приглашаю всех на фуршет в бар, будем пить элитные напитки за мой счет, обмоем это приключение, леди и джентльмены!

Вечером мы отметили спасение «наших младших братьев – животных» в баре, а ближе к полуночи подул крепкий ветер, и половину ночи нас болтало по волнам – мы попали в средний шторм. Правда, волны нам казались очень даже огромными. Нас всех загнали в каюты, чтобы не смыло в океан, так что я под визг и комментарии Джесси, смотрел в темноту ночи через окно, всем нутром ощущая, как наш кораблик взбирался на волну, а затем падал в пропасть. За ночь стихия успокоилась и на следующее утро мы снова стояли на палубе, созерцая красоты бескрайнего океана, хоть и немного «зеленые» от морской болезни. Наперерез кораблю шла шестиметровая «ББ-акула».

– Джорджи, к тебе гостя!

Мы махали ей руками, кричали, корабельный кок вынес кусок буйволятины килограммов на пять и отправил за борт. Кусок был вмиг проглочен, а акула, сделав несколько прыжков над водой, снова ушла в море.

Так прошел еще день, а вскоре на траверзе нашего лайнера появился порт Аден. Бывал я тут в 1967 году в иной реальности, когда здесь наводил порядок генерал Горбатов и спецназ СССР.

– Джорджи, ты бросаешь меня, я так тебя люблю, а ты ухо-

дишь из моей жизни!

– О, несравненная, дай мне свой адрес и я найду тебя, когда буду и, если смогу, в Штатах.

– А дай ты свой, я уж точно тебя найду, Джорджи.

– Верю, но я человек, у которого пока нет дома. Возможно, что именно твой дом и станет моим пристанищем, но это позже, а пока так.

– Запиши номер своего сотового телефона.

– У меня нет сотового.

– Запиши тогда мой телефон и адрес тоже запиши. Я буду ждать тебя, и помнить вечно. А если судьба разлучит нас на Земле, то я найду тебя даже в Раю.

На миг прикрыв глаза, я представил себе картину, когда даже в Раю возле меня будет, не замолкающий даже на обеденный перерыв, разговорный пулемет, и как-то напрягся.

– Дорогая, не стоит туда спешить. Поверь мне, жизнь на Земле очень даже хороша своей непредсказуемостью и романтизмом. И кто знает, что ждет тебя впереди. А Рай, рай – это место, где всем хорошо, так пусть он будет нашей мечтой.

– Ах, Джорджи, ты все так хорошо умеешь объяснить. Хорошо, я буду ждать тебя в Калифорнии, мой пупсик.

– Тьфу ты, Джесси, так меня еще никто не называл!

Затем я представил эдакого кругленького, пухленького и розовощекого коротышку, типа Егора Гайдара, потом себя, примерив роль пупсика. Что не говори, а я, это я – обычный вояка, а Егорушка, хоть и похож на пупсика, очень даже хо-

рошо «крутанулся», оказавшись в нужное время у власти и сделавший хороший капитал. Правда, даже огромные деньги не спасли его от кары Божьей за дела мирские, и умер он достаточно рано.

В общем, мне было в какой-то степени жаль расставаться с размеренной жизнью такого вот обывателя: женщина под боком, хоть обычная болтушка и пустая, как пробка от дорогого шампанского, зато добрая и красивая, она имела ранчо или что-то похожее в Калифорнии, приносящее ей относительно небольшой, но стабильный доход. Что еще надо, чтобы встретить старость...

– Вот придет старость, тогда к ней и заявишься, а сейчас шевели копытами в Россию, свою альма-матер, товарищ танзаниец, или танзанец или вообще танзан, как они сами себя там правильно называют-то?

Тут же вспомнил случай общения с гидом тайкой в прошлой жизни, который вызвал ее добродушный смех: «Порусски мы называли жителей Бирмы – бирманцы, а вы, тайцы, страну называете Борма, а ее жителей бомисы. Сейчас страна стала называться Мьянма, так они что теперь – момисы что ли?»

Я вышел на пляж под Аденом, захотелось мне искупаться в море в этой стране. Температура воздуха до +40 по Цельсию гнала в море всех изнывающих от этой жары, а теплое море, градусов под 30, давало возможность сидеть в нем часами, не замерзая и не выходя на берег. Пляж за городом

был длинный, но не глубокий, и, хотя, он не был забит до предела, но людей было достаточно.

Я только что наплавался от души и, стоя по грудь в воде метрах в 30 от берега и зажмурившись от удовольствия, медитировал, всем телом ощущая мощь океана. Где-то на грани восприятия стали раздаваться какие-то крики, выведшие меня из полудремы. Народ, который стоял или плавал относительно недалеко от меня, шустро побежал к берегу.

И тут я понял, что они кричат, потому что увидел здоровый плавник акулы, разрезающий воду, словно лезвием, который направлялся именно в мою сторону.

– Мамма мия! Поздно пить боржоми, если почки отвалились, как и глупо бежать от локомотива по рельсам.

Я стал медленно отступать, повернувшись лицом к приближающемуся монстру. Передо мной из воды вынырнула оскаленная метровая пасть со здоровенными зубами в шесть рядов, как будто улыбаясь, мол, хорошо дружочек, что ты в воде и не видно, мокрые у тебя штаны или нет, и уткнулась мне в грудь носом.

Я увидел выбоину на плавнике, сразу признав старую знакомую: «Напугала ты меня, подруга», – пробормотал я, и стал гладить рыбу по носу. Я когда-то читал о том, что рыбак спас акулу, столкнув ее с берега в море, и она, в знак благодарности, сопровождала его, когда он выходил в море на промысел, правда, своим присутствием портя ему рыбалку. Значит, это правда, что акулы многое понимают и могут быть

благодарны или злопамятны. Акула сделала круг вокруг меня, я зашел в море поглубже, еще погладив ее по носу и туловищу. Потом мы немного поплавали рядом, а затем она уплыла.

На берегу люди бегали, тыкали пальцем в море и кричали – всем было видно доброе общение большой шестиметровой акулы и маленького по сравнению с ней человека. Выходил я на берег настоящим героем дня. Отдыхающие фотографировали меня на телефоны, фото и видеоаппаратуру, а я собрал вещи и быстро ушел с пляжа – пора ехать дальше.

В этот же вечер на арабских и европейских каналах в новостях вышел сюжет о человеке и акуле. Российские каналы также не обошли вниманием это событие. Диктор с экрана вещал: «Неожиданное событие произошло на пляжах города Аден, что находится на стыке Красного моря и Индийского океана. Пляж посетила огромная белая акула, судя по имеющимся видеозаписям в ней было не менее шести метров, распугав всех купающихся. Однако, вместо того, чтобы начать кровавое пиршество, этот монстр подплыл к одному из отдыхающих и ткнул ему огромной пастью в грудь. Вы видите записи, предоставленные очевидцами. Создалось впечатление, что человек и акула мирно беседовали как старые знакомые, которые давно не виделись и случайно встретились. Мы видим, как он поглаживает рукой морду акулы с огромными зубами, а она будто качается на волнах в полном умиротворении. Смотрите, она попрощалась с ним и уплы-

ла. Оказывается, что бывает дружба человека и акулы. К сожалению, человек, говорящий с акулами, пожелал остаться неизвестным».

«А-а-а! – взвизгнула эффектная блондинка, сидящая в баре дорогого отеля в Шарм-эль-Шейхе и смотрящая телевизор в холле. – Это же Джорджи, мой Джорджи! Мы с ним путешествовали с Занзибара в Аден на круизном лайнере».

Сотрудник бара набрал телефон знакомого репортера.

– Мохаммед, ты смотрел репортаж о человеке и белой акуле?

– Да, Рахман, смотрел.

– У нас в баре сидит девушка, которая знает этого мужика, приезжай, пока новость еще горячая.

Через полчаса репортер египетской газеты «Аль-Ахли» вместе с оператором с местного телеканала брали интервью у американки, вокруг которой собралась толпа отдыхающих, слушающих о ее приключениях на круизном лайнере, нападении пиратов, спасении большой белой акулы, и других делах, совершенных ее Джорджи.

В 23-часовых новостях в очередной раз прокрутили сюжет об акуле и человеке. Диктор снова вещал: «Как стало известно корреспонденту египетской газеты Мохаммеду Халмасу, мужчина, говорящий с белой акулой – это подданный Великобритании, английский охотник Джордж Макинтош, проживающий в Танзании. О нем и истории их знакомства нам поведала его спутница по круизу Джесси Лонг. Давайте

послушаем ее рассказ».

Дальше следовал короткий рассказ Джессики и снова видео моей встречи с акулой, ее спасении из сетки со знаменитым "акульим поцелуем" и разговор с акулой в море у Адена.

В дело тут же включились разные природозащитные общества и организации: Гринпис, партии зеленых, общества любителей дикой природы, общества любителей шашлыков из представителей дикой природы, общества дружбы с акулами и другими нечеловеческими цивилизациями. Интернет пестрил сообщениями типа «Джордж Макинтош – лучший друг акул», или «Джордж – пионер общения разумов», или «Джордж, ты наш флаг, отзовись!»

В конце года мне на почту пришел скан сертификата о первом месте на фотоконкурсе в Монреале от Димы Савчука, в котором участвовала эта фотография.

– Да уж, Джесси, помогла ты мне получить мировую известность. Только, что скажет моя родная контора, вот в чем вопрос?

На американской базе сержант Джонс, лейтенант Дэн с парой коллег поехали, снова увидев эту акулу, философски заметив: «Н-да, чего только не бывает на свете!»

В доме Крэббса сидели две девушки, смотрящие телевизор и усиленно вытирающие глаза. Они знали, что их папа хотел убить этого парня, чтобы не платить обещанные деньги. А ведь все могло быть иначе, и Лео не бежал бы из страны, а сидел бы рядом, возможно став компаньоном отца или

заведя свое собственное дело.

В офицерской квартире сидели и смотрели вечерние новости две семьи Тарасовых, а в казарме этим же делом занимались бойцы батальона, коротая вечера.

– Слушай, Коля, этот Джорджи тебе никого не напоминает?

Коля взгляделся в человека, выходящего из моря на пляж и режущего сетку, в которую запуталась акула, плавающая возле ее пасти, и проговорил: "Не может быть, Толя, это же Витька!"

Встрепенулась Настя, пристально взглядываясь в человека на экране, прошептав про себя: "Я знала, что ты жив, Витя Калинин, ты просто не мог умереть на чужбине".

– Похож, но, это же Джордж Макинтош, подданный Англии. Хотя, что сказать, похож, прямо одно лицо и фигура.

– Ну, фигура, положим, у Витьки поздоровее была, но, если это он, то где болтался этот год? А может быть, и правда, что он стал подданным Великобритании?

– В общем, есть основание полагать, что Калинин жив, либо этот мужик так на него похож, что практически является его двойником.

В казарме народ был категоричнее: "Это Витек, только он рискнет лезть обниматься с акулой. Точно говорим, он добирается в Россию, просто, отдыхает со всеми удобствами на курортах, раз есть возможность».

После Йемена и Омана я тормознулся в Эмиратах – захотелось мне пройти курс обследования в неплохой частной

клинике в Дубае. Лежа в ней, я сдал кучу анализов, на МРТ и УЗИ просветили мои внутренности, ребра и все, что можно исследовать.

Миловидная арабка, являющаяся моим лечащим врачом, изучив мои результаты, авторитетно заявила: «Мистер Макинтош, видны остаточные постравматические изменения ваших органов и мягких тканей, являющиеся следствием сильных ударов по ним, но в целом, все органы у вас практически в норме, а вы здоровы, как буйвол. Вместе с тем, рекомендую пройти у нас курс реабилитации: морские и солнечные ванны, массажные и релаксационные тренажеры и души, капельницы, здоровое питание – все это будет вам на пользу».

– Хорошо, я согласен, релаксируйте и массируйте меня, а вот капать в вену меня не надо, все это излишнее.

– Тогда давайте оформим новый договор, в котором будет перечень предлагаемых вам услуг, вы все это оплатите и мы вами серьезно займемся.

Так что я провалялся вначале в клинике, попутно вставил импланты вместо нескольких выбитых в плену зубов, а затем, лежа на закрытых пляжах пятизвездочных отелей Дубая или катаясь по интересным местам на экскурсиях еще месяц, реально отдохнул от суеты жизни.

Деньги у меня были, так что отдыхал я с комфортом, селясь в хороших пятизвездочных отелях по системе «все включено». Побывав ранее в Омане, прокатился на экскур-

сии по Эмиратам, затем махнул в Катар, Бахрейн, Сирию, по-видать Пальмиру, пока она еще цела, и Саудовскую Аравию. Жаль, что не мусульман не пускают в Мекку, а то бы увидел мусульманскую святыню Каабу или «священный дом», установленный во внутреннем дворе красивейшей шестиминаретной мечети Масджид-аль-Харам. Так что охватил своим вниманием практически весь Аравийский полуостров. А гуляя по Дубаю и Абу-Даби, сравнивал, какие они были сейчас в 2003 году и станут в 2013, когда я побывал в них в первой жизни.

Но время отдыха пролетело одновременно и медленно, и быстро. Я купил билет Дубай-Москва и через пять часов сходил по трапу в аэропорту Шереметьево-2.

Здравствуй, Россия – страна разочарований и надежд!

Глава 3. Возвращение

Прибыв в столицу, пошел прогуляться по городу, захотелось просто вспомнить столицу, ведь в стране я не был больше года. Передо мной стояла задача влиться в людскую толпу, став таким же рядовым российским гражданином, но легализоваться под чужими инициалами, а значит, требовалось достать документы. Документы на Джорджа Макинтоша потребовались мне, чтобы легально въехать, а в будущем, выехать из страны, поэтому светить их в других городах я не собирался. Будучи в центре столицы, увидел мужичка примерно моего роста, правда, толстоватого, но самое главное, похожего на меня лицом. Нужно отметить, что внешне мне он как-то не понравился, наверное, потому, что был какой-то весь пухленький, этакий любитель вкусно поесть и попить пивка.

«Отлично, вот и кандидат на передачу мне своих документов и легенды», – ухмыльнулся я про себя, размышляя о своем будущем.

Я топал за ним, чтобы выяснить, где он живет и вообще, кто он такой по жизни. Мужик возвращался с работы. Прошел на метро, вышел на остановке в одном из спальных районов, зашел в супермаркет в продуктовый отдел, купив тортик и какие-то продукты к праздничному столу, типа сыра, недорогой копченой колбаски, солений и тому подобного.

Затем зашел в отдел игрушек и долго стоял возле красивой модели радиоуправляемой машинки. Так он стоял, то беря ее в руки, то снова ставя на полку. Я подошел к нему и спросил: «Сыну выбираете?»

Мужик оглянулся и, улыбнувшись, ответил: «Да, у сына день рождения, ему пять лет исполнилось. Обещал ему подарок, да то, что понравилось, дороговато».

– А может, что-нибудь попроще подарить?

– Нет, эту надо, правда, прикидываю, от чего отказаться, чтобы по бюджету не сильно ударило.

– Так москвичи, вроде бы, хорошо зарабатывают?

– Честно говоря, не все. Я, например, на заводе инженером-технологом тружусь, завод еле дышит, зарплата совсем не радует, да, куда я со своей специальностью-то подамся. Сегодня праздник, побалуемся мясными деликатесами, а так макароны, рыба, хлеб да каши в рационе. Жена тоже не больно-то и зарабатывает. Но ничего, проживем, впереди обязательно лучше будет.

«Все верно, пусть у вас впереди будет лучше. Держи, мужик, сын – это дело святое! – сказал я и сунул ему в руки пять тысячных купюр. – Сделай парню подарок».

– Нет, что вы, за что, я не возьму!

– Бери, мужик, и считай, что ты сегодня тоже родился. Просто и у меня радость, премию дали, надо от нее малой частью поделиться, чтобы и дальше деньги приходили – примета такая.

Я ушел, издалека посмотрев на мужика, а мужчина посто-
ял, да и взял машину, улыбаясь чему-то своему. А я пока
нелегалом похожу, с меня не убудет.

Пришлось озадачиться маскировкой, а именно, нигде не
оставлять свои пальчики, а также изменением внешности.
Пусть это будут житейские неудобства, но зато спокойнее
в будущем буду себя чувствовать. Встал вопрос, как лучше
скрыть свои отпечатки пальцев?

Наша кожа постоянно через сальные и потовые железы
выделяет жир и пот. Эта субстанция вместе с отмершей ко-
жей – эпителием, остается на поверхностях ручек, дверей,
пультов приборов, да, практически, на всем. Вот так и полу-
чаются отпечатки. В СССР, наверное, и в России со всех уча-
щихся старших классов снимали отпечатки пальцев, а также
у всех, кто работал в органах или служил в армии. Так что
многим процедура снятия отпечатков пальцев знакома. Так
же по фильмам видели, как криминалист на предмет с от-
печатком кисточкой наносит магнитный порошок, а раньше
использовалась сажа, который сцепляется с потожировыми
следами, позволяя их рассмотреть и исследовать. Так же ис-
пользуются в криминалистике специальные камеры и ульт-
трафиолетовые лампы, показывающие опять-таки потожи-
ровые следы.

Раньше сверка с библиотекой отпечатков проводилась
вручную, а с появлением компьютеров оцифрованное изоб-
ражение отпечатка заносится в программу, которая состав-

ляет формулу вашего отпечатка в текстовом виде. Затем эта формула в течение быстрого времени сверяется с базой данных и выдает совпадения.

Вспомнив все эти полезные знания, я стал думать, как применить это в моем случае. Если идти на какое-то дело, тогда при его выполнении можно нацепить и медицинские латексные перчатки. Но, это разовый вариант. Если изображать из себя медицинского работника, идущего в перчатках по городу, то тоже постоянно же в них ходить не будешь, да и крайне неудобное и жаркое это дело.

На какое-то конкретное дело можно одевать латексные напалечники, но постоянно в десяти напалечниках тоже ходить не будешь, потому как, первый же, увидевший это дело милиционер, поинтересуется, что это за тип такой. К тому же перчатки и напалечники оставляют тальк, что для въедливого криминалиста даст пищу к размышлению о том, что дело нечисто.

Значит, необходимо что-то долговременное и незаметное. Вот тут и подойдут следующие варианты: силиконовый герметик, которым придется обмазать подушечки пальцев и ногти. Потом подождать, когда он застынет, и ходи себе, пока не порвешь. Далее, можно обмазать пальцы эластичным бесцветным лаком, а также хорошо помогает медицинский клей «БФ-6», который используется для заживления ран, порезов и даже ожогов.

Вот и пошел я в ближайшую аптеку, чтобы приобрести

этот клей. Затем, присев в парке на тихой аллее на лавочку, спокойно обмазал свои подушечки этим составом. Через несколько минут на пальцах была защитная пленка, и непривычные ощущения инородного тела, которые скоро пройдут – привыкну. Этим делом в будущем я занимался постоянно, смывая старую и нанося новую маскировку.

Уже в номере гостиницы, куда я заселился, для себя проверил качество простеньким тестом. Приложил пальцы, сильно придавив к купленному по пути маленькому зеркальцу, затем аккуратно убрал их и посмотрел результат, вроде следов не видно. После визуального осмотра поджег дешевую церковную свечу и коптящим пламенем подержал у зеркала, где на него осела сажа и стали видны отпечатки. Поглядел результат – рисунка с подушечек пальцев не проявилось! Дальше я надел свой парик, став похожим на Хэнка Маккая, и надел свободную одежду с длинными рукавами, чтобы за балахонистой внешностью скрыть реальную фигуру. В общем, маскировался по мере сил, как мог. Прошелся по специализированным магазинам, прикупив еще один патлатый мужской парик, который в ванной покрасил в седой цвет.

Тут я вспомнил об одном важном и нужном деле – о своей кассете с видеозаписью нашего пленения. Были у меня еще видеозаписи на флэшке, которые мне сделали операторы после моих боксерских боев в Дар-эс-Саламе, а также запись футбольного матча между клубом «Симба» и мадридским

«Реалом», которые я с удовольствием пересматривал – какой же я там «красавчег».

Если две последние флэшки были для души, то судьба Ромео и Гнома требовала ясности, то есть в конторе должны были точно знать, что парни погибли, а значит, родным назначат пенсии и иные полагающиеся льготы. Так что, купив ноутбук, плату ввода видеоизображения, видеокамеру под стандарт кассеты, я перегнал аналог в цифру, сохранив запись на флэшках. После этого я, снова загримировавшись, отправился в городок, где дислоцировалась наша бригада, и забросил ее в домашний почтовый ящик командиру бригады Тарасову Анатолию Тарасовичу. Оказывается, за время моего отсутствия его повысили в звании, так что стал он генерал-майором, о чем я узнал в будущем. Сам я решил пока не объявляться, чтобы у ребят не было никаких причин врать, если вдруг их будет опрашивать обо мне контрразведка – всему свое время.

Вечером генерал-майор устало поднимался по лестнице подъезда, «на автомате» заглянув в почтовый ящик. На работе приходилось разруливать текущие ситуации, снова отправлять в разные точки мира новых бойцов и ветеранов решать поставленные задачи. Забрав газету и запечатанный конверт без почтового штемпеля, он пришел в свой кабинет.

– Дорогой, иди, покушай, ужин на столе.

– Сейчас, Маша, разберусь с корреспонденцией.

Он глянул на «Российскую газету», взял конверт, прощу-

пал, а затем вскрыл его и перевернул – на стол выпала флэш-карта.

– Флэшку бросили в почтовый ящик, интересно, что там? А может быть, там вирус какой?

– Папа, у меня хорошие антивирусы стоят, давай поглядим.

– Включай, Настя.

А дальше началось кино, в котором где-то в тропической стране какие-то негры в камуфляже притащили трех белых парней, тоже одетых в камуфляж, к стоящему и помахивающему тросточкой белому офицеру, судя по всему, начальнику.

– Так, Анастасия, не дело тебе такое смотреть, давай выключай, это мы на работе посмотрим.

– Папа, это наши ребята, а это Витя!

– Да, это Виктор.

– Я буду смотреть!

На видео одного бросили на землю сразу, его одежда была залита кровью, а двоих стали просто обрабатывать кулаками и прикладами по телу. Затем одному содрали шкуру, а второму к сломанной руке добавили еще и ногу. Потом запись прерывалась и начиналась, когда живых парней привязали и оставили висеть на дереве, а третьего бросили им под ноги. Запись скакала, пока оператор устанавливал камеру возле каких-то кустов недалеко от этого дерева. Фоном был слышен хохот и крики гиен. Дальше было видно, что негры ушли

от дерева, а висящие бойцы о чем-то разговаривают, а затем один из парней дернулся и обвис.

– Так, значит. Вот какие дела: Ромео застрелили, Гном умер, а Кент еще держится...

«Витя живой!» – проговорила плачущая девушка.

Последний выживший боец акробатическим подъемом-переворотом выжался и, взгромоздившись на ветку, освободился. Затем, повисев на ней, будто заснув, спустился на землю, снова переговорил с Гномом и двинулся к кустам. Камера с приближением человека к объективу все более четко показывала, как разукрашено его лицо, все оно было опухшим и в крови. Вдруг навстречу Виктору вышел вооруженный унитовец.

Произошел короткий немой диалог между ними, и русский ткнул негра в глаз пальцем, сразу убив того.

«Ну, Витька, ну силен, брат!» – вырвалось у Анатолия.

Затем Калинин обобрал мертвого противника, поковылял к Гному, срезал того ножом с веревки и уложил под деревом, куда подтащил и Ромео. После этого, Кент осенил крестом обоих ребят, что-то сказал им на прощание и быстро пошел к кустам, вдруг увидев камеру. Улыбнувшись кровавым оскалом, он потянулся к ней руками. Дальше запись обрывалась.

– Выжил Витька, выжил он, Настюша! Значит, очень может быть, что и Жора Макинтош – это наш Кент! Так, флэшку я забираю, ее надо показать, кому следует. Всем парням подам представление на «Героев» и пусть только попробуют

не дать.

– Пап, а где Виктор?

– Витя в России, конверт брошен нам в ящик напрямую, мимо почты. Значит, он был здесь, но посчитал преждевременным объявляться. Что он задумал? Тогда повременю и я с подачей в нашу безопасность этой флэшки. Подождем немного, когда объявится Калинин, что бы их всех вместе на оформление подать.

Пробыв дня три в столице, я на электричке поехал в ближайшую с Москвой область поглядеть на местную жизнь, а заодно присмотреть интересующий меня контингент. Прибыв в довольно крупный город областного значения, я пошел искать тех квартиросдатчиков, кто не требует документов, так что остановился у какой-то бабушки, сняв флигель в частном секторе. Она документов не потребовала, а деньги за проживание я внес сразу за три месяца вперед. Так я и гулял по городу, посматривая на дорогие дома, читал местную прессу, общался с бабулей, слушая городские сплетни, и обдумывал свои будущие действия.

Дорогие дома-то я видел, но просто так вот хозяина «не прессанешь», потому что, он мог быть вполне добропорядочным бизнесменом. Мой же клиент должен быть именно, что бандит с большой дороги, хоть сейчас он в костюме и галстук, причем, богатый бандит, поэтому приходилось собирать информацию. В общем, планы на будущую жизнь у меня были огромные, а для их реализации требовались боль-

шие деньги, поэтому я оказался в ситуации, напоминающую Остапа Бендера в поисках своего «Корейко».

Питался я дома, готовя на купленной мною двухкомфорочной электроплитке. За продуктами ходил на один из небольших местных рынков. Разные были тетки на рынке: необразованные, грубые и хабалистые или наоборот, довольно приятные в общении – чувствовалось, что они в жизни добрые люди. Покупая продукты именно у таких, добрых, иногда общался за жизнь с женским коллективом продавцов. Вот сегодня я брал помидоры у «своей» продавщицы, мягкой и тихой женщины лет под сорок. Перекинувшись шуточной парой слов, я заметил, как у нее под солнечными очками пудрой замазан синяк, но опухоль-то видна.

– Что случилось, Люба?

– Да так, дела домашние.

– Муж? Пьет?

– Да муж, пьет, бьет и просто по жизни он «хам трамвайный».

– А куда же смотрела, когда выбирала?

– Раньше, все же, другим был, да и замуж хотелось.

Вечерком я прошел за ней, посмотрев, где и как она живет. Жила она в обычной «хрущевке», заодно послушал и голос мужа, встретившего жену изысканным матом – точно, «хам трамвайный».

На следующее утро я был этажом выше нужной квартиры и, подождав, когда благоверная уйдет на работу, позвонил в

дверь.

За дверью раздался сонный голос: «Чё-ё-ё звонишь, ко-была, топай уже работать!»

Я позвонил еще раз, чем окончательно вывел из себя этого знатока русской словесности. Он распахнул дверь и, увидев высокого человека, набрал воздух для новой тирады. Я успел опередить его вопросом: «Я из органов социальной защиты населения, вы Колбасов?»

– Ну!

– Баранки гну, отвечай четко и быстро.

– Да пошел ты на...!

Но я пошел в противоположном направлении, то есть зашел в квартиру, одновременно нанеся хозяину сильный хук в печень. Он согнулся, я подождал, пока он продышится и встанет, после чего врезал ему «под дых». Он посидел на полу еще минут пять, приходя в себя, а я рассматривал сидящего передо мной человека – входящие в моду татуировки на плечах и руках, возможно, в школе занимался спортом, но это было давно, в общем, передо мной сидело опустившееся до уровня «пожрать – поспать» быдло. Когда он снова поднялся, мы двинулись на кухню. Там он схватил со стола кухонный нож и, развернувшись ко мне, махнул им. Ну, с таким «спецом» я уж как-нибудь разберусь. Уйдя от маха ножом и сбив ему руку, я больно ударил его в лицо, а затем захватил кисть и болевым приемом выкрутил из нее нож, одновременно усадив того на пол.

– Вот ты напал на меня с ножом, а ведь это подсудное дело, судить тебя буду.

– Отпусти, падла, больно руке.

Я сломал ему кисть, а потом еще несколько раз ударил по лицу кулаком.

– В общем, Колбасов, считаю, что разъяснительная беседа прошла в духе сотрудничества и взаимопонимания, или я ошибаюсь и надо добавить?

Он закивал, держась за свою руку.

– Да, Колбасов, чего я приходил-то. На тебя поступил сигнал с мест, что ты обижаешь свою жену. Ты, никчемная душонка, сам не живешь и нормальным людям жить мешаешь. Советую тебе развестись и свалить отсюда по-хорошему.

– А по-плохому?

– В окно выкину, когда снова зайду проверить твои подвиги.

Попрощавшись таким образом, я ушел из квартиры, по пути срывая тонкую латексную перчатку, лопнувшую от удара.

«Топай домой быстрее, мне помощь нужна!» – позвонил Колбасов своей жене, посматривая в окно четвертого этажа.

Жена, свернув скарб, довольно быстро прибежала домой.

– Боже мой, кто тебя так?

– Да с одним здоровым козлом схлестнулся, но я ему тоже наваял, всю рожу разукрасил.

Вначале жена хлопотала вокруг избитого мужа, потом они

сходили в больницу, где ему сделали рентген и загипсовали руку, а заодно и лицо обработали. На следующий день в собесе разъяренный Колбасов, махая загипсованной рукой, разбирался с его сотрудниками.

– Дайте мне начальника!

– Зачем вам начальник, может быть, мы сможем помочь?

– Заткнись, дура, я сказал, что нужна ваша начальница. А ты, тварь, пошла отсюда!

«Что случилось, что вы кричите?» – строго спросила вышедшая из кабинета начальника пышная женщина.

– Ты начальник?

– Я.

– Я вначале тебе рожу набью, а потом вас по судам затаскаю, вы у меня в зоне окажетесь.

– Да, что случилось, гражданин?

– Вы посмотрите, что с моим лицом сделал ваш сотрудник и руку мне сломал. Пришел, лосяра здоровый, сказал, что направлен по сигналу с мест для беседы и вот – побеседовал.

– Извините, гражданин, но у нас только женщины работают и Мартынюк. Пуховина, позовите Мартынюка.

Вышел молодой парень, этакий компьютерный гений, которого ветром не сдувало, разве что из-за тяжелого большого телефона в кармане.

– Этот мужчина вас бил? Хотя он на вызовы не ходит, у него другая работа.

– Вы чего – издеваетесь, а где лосяра?

– Нет тут такого.

Видать, что-то сообразив, Колбасов развернулся и ушел домой. А в собесе народ облегченно вздохнул: «Мартынюк, а мы и не знали, что ты такой жесткий мужчина, как мужика отделал!»

– Не я это!

– Ясное дело, что не ты, но правильно тот незнакомец сделал, что такого хама побил.

Вечером, когда женщина пришла домой со смены, «разукрашенный», словно после тяжелого боксерского поединка, муж неуверенным голосом спросил: «Люба, ты никому не жаловалась на то, что я бью тебя. Может быть, разойдемся, ведь не пара мы с тобой?»

«Нет, никому. Давай, разойдемся, устала я, – вздохнула женщина, а в голове возник образ спокойного высокого покупателя, правда, с лицом без всяких «разукрас», но со свежей ссадиной на костяшке кулака, которую она увидела, когда он брал кулек с овощами и, которому позавчера рассказала о своих трудностях, при этом мысленно поблагодарив его, – спасибо тебе, добрый человек».

Я же на тот рынок ходить перестал.

Вечерело. Я после очередной прогулки по городу с чувством глубокого неудовлетворения, но приятной усталости в ногах, возвращался домой, проходя вдоль забора какого-то предприятия. Судя по запахам, я сказал бы, что в период СССР тут производят аммиачные или селитряные удобрения.

ния – воняло мочевиной и каким-то говном, а сейчас это было предприятие пищеπροма.

Впереди отчетливо раздавались кхеканье человека, которого бьют, и голоса специалистов по отбиванию почек: «Бабкин, тебя по-хорошему предупреждали, чтобы ты не лез сюда? Ты, видно, не понял с первого раза!»

– Не понял, тьфу, больно-то как! Вы же сами тут живете, а речку нашу городскую ядовитой делаете, сливая туда всякие яды. Ладно, речка, но вы же сами жрёте то, что на вашей фабрике в продукты кладут.

– Мы не жрем, козел, а кю-ю-ю-шаем. Значит, не понял по-хорошему, тогда придется продолжить объяснение.

Снова раздался удар, вскрик и кто-то, я даже догадался кто, вломился в кусты.

«Хм, хорошо врезали мужику, этак и коньки откинуть можно. Нет, Шурик, он же Витек, мимо ты не пройдешь, надо все-таки помочь местному Дон Кихоту», – подумал я и пошел быстрее.

– Слышь, Кастет, ты зря так его приложил, он там, вообще, живой еще?

– Ничего, оклемается, а нет, так босс отмажет, если менты прижмут.

Я обошел большие кусты, и увидел, как трое здоровяков с эмблемой на униформе «Золотое ...» стояли, посматривая на лежащего человека, лицо которого было в крови.

«Милиция! Что с ним?» – спросил я, достав из пиджака

купленное в переходе шуточное «удостоверение МВД», зато в хорошей обложке.

– Идем, смотрим, лежит, вот теперь думаем «Скорую» вызывать.

– Чего не вызываем? Хорошо, товарищи, я сам вызову, эх, и это после смены. А вы точно ничего не видели, похоже, что его недавно били? В свидетели не пойдете?

– Ничего не видели, командир, чего свидетельствовать.

– Хорошо, квалифицируем, как несчастный случай.

Парни ушли. Я запомнил лица всех троих, затем достал телефон с обезличенной симкой, купленной у продавца в переходе, и вызвал «Скорую помощь».

– Девушка, пришлите машину «Скорой», человек избит, требуется срочная помощь. Откуда я знаю, кто его избил, лежит в крови, надо помочь. Адрес? Нет тут адреса, не написано, это стена фабрики в дальней части парка. Я буду на дороге ждать, что вдоль стены идет.

Пока машина ехала, я осмотрел клиента: без сознания, возможно сотрясение мозга, выбиты зубы, сломан нос, отчего много крови и натекло, но вроде кровь в горле не булькает, дышит вполне ровно, так что я надеялся, что легкие целы, да и внутренности тоже не отбиты.

– Вот же уроды, такому задохлику и одного удара хватило бы, а тут, похоже, били в шесть рук.

В кармане нашел удостоверение корреспондента местной газеты «Голос народа» и узнал, что товарища зовут Бабкин

Владлен Валерьевич, как говорится, «вшивый интеллигент в очках», но храбрый мужик. Довольно быстро примчалась машина, я замахал рукой, показывая куда ехать.

– Ох, ты! Кто его так?

– Не знаю, фельдшер. Шел, вдруг слышу, что кто-то стонет. Глянул, а тут свеженькая «отбивная» лежит.

– Ваши данные надо переписать!

– Моя фамилия слишком известна, как сказал герой одного фильма, поэтому я ничего говорить о себе не буду. Запишите, что вызывавший вас товарищ, ушел не дождавшись.

– Ясно, товарищ, спасибо, повезем клиента в травматологию. О, да это же наш активист, корреспондент городской.

– Да-а-а, знаменитая личность?

– Борец за правое дело, к сожалению уже несколько раз обращался в больницу с побоями. А почему знаю о нем, так он по местному телевидению иногда выступает, да и я рядом с ним живу.

В кабинете у начальника охраны группы промышленных предприятий «Золотое тавро продакшнс компани».

– Как прошел разговор?

– Хорошо прошел, Кастет очень убедительно объяснил, чуть не убил Бабкина этого, правда...

– Что такое?

– Да ничего серьезного, босс.

– Запомни, Винт, если я что-то спросил, значит, надо отвечать, ясно?

– Ясно, да Кастет срубил этого писаку, а тут мент нарисовался, и сразу типа «че за дела, в натуре».

– Короче, Винт.

– Ну-у-у, мы сказали, что идем и вдруг видим – раненый лежит, ну и хотели «Скорую» вызвать. Ну, а мент говорит: «Не видели, кто избил мужика, свидетелями будете?» Ну-у-у, мы ему, мол, не видели ничего, какие свидетели.

Он нам: «Ну, раз не видели, тогда идите, я сам вызову «Скорую» и то-се сделаю».

– Не нукай, Винт, что за дебильская манера, странный мент какой-то, не нравится мне это.

– А-а-а, босс, он еще сказал, что это после его смены случилось, типа напряги лишние, и он нарисует это, как несчастный случай».

– Мент знакомый?

– Не-е-е, не знаем его.

– Ладно, посмотрю по милицейским сводкам, что вы там натворили.

На следующий день я решил заглянуть к борцу-одиночке, проверить, как он там себя чувствует. Орехи и сухари решил не покупать, ограничившись соком. Как сказал фельдшер «Скорой помощи», Бабкина должны были отвезти в травматологию городской больницы, вот там я его и нашел.

Когда я зашел в палату, Бабкин с раскрашенным зеленкой лицом с жутко распухшим носом и губами лежал на койке. Увидев меня, он вжался в кровать, затем, что-то обдумав,

сел на нее и попытался встать.

– Сиди, Влад. Голова закружится? Здорово тебя разукрасили.

– Вы не Кастет, а то я вначале принял вас за этого отморозка.

– Кастет?

– Ну да, это кличка одного из отморозков Громова, которые меня вчера избили.

Тут в моей памяти всплыл образ одного из «быков». Его внешность при определенной переделке или доделке, я имею в виду не удары по морде, а пластическую операцию или актерский грим, напоминала мою. Ну что же, сейчас никаких сомнений я не испытывал. Этот "не товарищ", однозначно, подарит мне свою жизнь, документы и легенду бытия.

«Громов, знакомая фамилия, где-то я ее слышал», – проговорил в задумчивости я.

– Это начальник службы безопасности местного финансового воротилы, владельца ряда городских предприятий, а по жизни, настоящего бандита.

– Так, Бабкин, ты тут громко не разорайся об этом. Или ты хочешь инвалидом стать?

– Да все понимаю, и себя жалко, только обидно.

– Ничего, на всех рано или поздно найдется слово Божие. Ты как, ходить можешь?

– Плохо, голова кружится.

– Сотрясение у тебя хорошее, похоже, нос сломан и зубы

выбиты.

– Да, два зуба вчера выбили, и в носу очень больно.

– Давай так, товарищ Дон Кихот Подмосковский, хватит попусту сотрясать воздух, мы пойдем другим путем.

– Каким?

– Вначале ты отлежись, только, молча, отлежись, без комментариев о плохих людях. Я дня через три зайду, когда ты сможешь уже ходить по коридору или даже выйти во двор больничный. Тогда мы с тобой побеседуем. А пока, чтобы не лежать просто так, вспоминай о криминальных лидерах города, таких вот Громовых. Кстати, а кто это такой?

– Он из армейских, бывший офицер спецназа, но перешел на службу к Ореховикову и стал таким же гадом. Столько за ними криминальных разборок и убийств числится. Только они на свободе, никто их не посадит.

Тут я вспомнил, что когда-то в Афгане встречал офицера ВДВ по фамилии Громов. Тот был нормальным, жестким, как и положено быть бойцу спецподразделения, солдатом большой страны. Может быть, это он, а может быть и однофамилец, но, похоже, что своего «Корейко» я нащупал.

На следующий день, переодевшись в дедушку, я дожидался, когда у Кастета закончится "рабочая смена". Сидел я в такси, счетчик у водилы тикал, деньги капали за то, что стоим на месте, правда, водила периодически интересовался, мол, дед, чего стоим?

– Не нервничай, жду корешей, все путем.

Клиент вышел с товарищами, сел в тачку кого-то из друзей, которая проехала немного, тормознув возле кабака.

«Поехали за той «Бэхой», – сказал я водиле, и мы показали.

– Ничего себе у тебя, дед, и кореша!

Вскоре мы увидели, как машина паркуется.

– Все, спасибо, шеф, дальше я сам.

Пришлось зайти в клуб и смотреть на своего подопечного «шо бы оно не сбежало».

«Привет, чувак, ты прикольный, оттянуться не желаешь?» – обратилась ко мне какая-то нимфоманка с пустыми укуренными глазами, уже пребывая где-то на седьмом небе.

– Нет, девушка, спасибо, я уже старенький.

– Это же клево, самый кайф, а, дедок?

«Нет, нет, спасибо», – отвечал я, отходя от нее, при этом пытаюсь не потерять моего «красавчегу».

Вероятно, устав "клубиться", мой клиент вышел на улицу с какой-то девушкой, поймал такси и покатил домой, как я вначале подумал. Я также поймал такси и помчался за ним, но этот нехороший человек поехал в гостиницу, по пути застряв еще в одном очень модном клубе, с антуражем которого пришлось познакомиться и мне. Я не то, чтобы материл его, я был готов придушить его прямо в клубе, а затем в отеле, но вместо этого терпеливо дожидался, когда он проснется и выйдет из номера. Поедет же он когда-нибудь домой!?

Проспавшись, со счастливой улыбкой на своей гнусной

роже, хотя, если очень внимательно приглядеться, то лицо у него было очень даже симпатичное и благородное, ведь он весь в меня, а вот натура у него гнусная – это реальный факт. Так вот, на очередном такси эта гнусная натура наконец-то покатила домой.

Новый таксер, пойманный мною заранее, также стоял в тенёчке и ждал отмашки от меня, получая денежки за простой – не хватало мне еще после всех мыканий упустить этого козла, пока такси ловить буду. Мы поехали за ним, подъехав к новостройке. Возле дома я быстро выскочил из машины и, догнав клиента, двинулся следом. Мы вместе зашли в подъезд, проехали в одном лифте, только я поднялся на этаж выше. Тихо спустившись, увидел, какую дверь он открыл и, выждав нужное время, вскрыл замки еще танзанийскими отмычками, а затем пошел искать этого «реального пацана». Столкнулись мы с ним у кухни – он выходил из нее, а я входил.

– Дед, ты кто?

– Доктор Ай-Болит.

После этого я стукнул его в печень, а чтобы уж наверняка уложить, то добавил кулаком по яйцам. Пока он приходил в себя, я грубо встряхнул его, затянув ноги веревкой со скользящим узлом, быстро обыскал его – оружия при нем не было.

– Чего надо, дед? Ты чего творишь, падла!

– Где твои документы?

– В серванте.

Я оглушил парня мощным ударом ребра ладони по сонной артерии, сходил к серванту, найдя там паспорт, водительские документы на подержанную "БМВ", полис медстрахования, а также юношеские документы, типа военного билета солдата-срочника внутренних войск, метрики, аттестата об окончании школы, в общем-то, полный комплект.

Затем вернулся на кухню, набрал воды в кружку и влил ее в лежащее на полу бессознательное тело, зажав нос пальцами. Тело захлебнулось. Я вышел из квартиры, забрав свою веревочку и ключи, закрыл квартиру его ключами и ушел. Сюда я наведуюсь ночью и вывезу мужика за город – он должен тихо исчезнуть.

Так я стал Виктором Андреевичем Смирновым 28 лет от роду, с большой натяжкой похожим на меня на фотографии, но это ничего, ведь на документах мы часто совсем другие. Вечером снова зашел в квартиру, поглядел на сотовый с пропущенными вызовами – мне они были неинтересны. Но на всякий случай симку с телефоном я не выкинул в мусорный бак, а положил в металлическую коробочку из-под конфет в карман своей куртки. Тело же подопечного упаковал в черный полиэтиленовый мешок и на плече вынес к машине.

– Тяжелый бугай.

А дальше все было, как обычно в этом деле – груз на ноги, тело в реку, его машину загнал и оставил в лесу, отключив аккумулятор, то есть, обесточив все имеющиеся в ней «девайсы».

Я надеялся, что Бабкин все же оклемается, а не откинет коньки, мало ли, что у него внутри повреждено, а врачи не заметили и не проверили. А одному из его обидчиков я уже за него долг отдал. Как обещал, я зашел к Бабкину через три дня. Выглядел журналист гораздо лучше, то есть нос так же был картошкой, гундосил он неимоверно, но отек стал спадать, цвет носа желтеть, губы тоже «хорошо» уменьшились в размерах, так что...

Мы разговаривали с ним в больничном парке. Он много рассказал о сплетнях, реальных фактах, своих догадках, и вообще, о важных людях города.

– Держи, тут пяток тысяч долларов, вставь себе зубы, подлечи здоровье и, пока жив, становись примерным журналистом.

– А как же бороться с произволом?

– Борись через Москву, через Генпрокуратуру, центральные газеты, через представителя Президента в области и так далее. Подключай «тяжелую артиллерию», а не бегай с пистолетом против танков.

– Это бесполезно.

– Не факт. Все эти люди входят в определенные группировки. Все время идет закулисная конкурентная борьба за деньги и влияние между этими группировками. Так что, может быть, именно твое обращение и станет тем камнем, который столкнет лавину правосудия. Главное, что эти бандиты сядут, а об остальном не забивай себе голову.

Глава 4. Личное дело или каждому свое

По улице ехала «Газель» с сотрудниками ОМОНа, везущая десяток парней на дежурство в центр города. Сегодня у людей праздник, на центральной площади дает концерт новая российская «звезда», очень популярная сегодня певица. Вот и надо обеспечить порядок на этом ответственном мероприятии.

На переднем сидении рядом с водителем сидел старший смены капитан Гулов, сзади гомонила братва, предвкушая халявное прослушивание концерта и надеясь на легкое дежурство. Их обогнал дорогой черный, полностью тонированный джип, резко пролетевший перекресток на загоревшийся красный свет, из-за чего тронувшаяся с поперечной улицы машина с визгом тормозов остановилась. Водитель «Газели» законопослушно притормозил на светофоре, остановившись за какой-то легковушкой. Метрах в пятидесяти по тротуару шла пара девушек, а вдалеке им навстречу двигался какой-то мужичок.

– Хорошенькие фигурки у девочек. На концерт, наверное, идут?

– Вряд ли на концерт, наверное, по своим делам, а фигурки очень даже и ничего. Тут я полностью с тобой согласен,

Геннадий.

– Ну, давай поглядим, куда они идут, если что, то с тебя бутылка белого чаю.

– А с тебя тоже, если что?

– Погоди-ка!

Возле девушек тормознул джип и, сидевший на переднем пассажирском сидении парень через открытое окно о чем-то перекинулся с девушками.

Те заулыбались, но стали отказываться, попытавшись продолжить свой путь. Тогда из машины выскочили два парня и стали заталкивать девушек в машину.

– Твою мать, мало им проституток, так еще и нормальных девушек хватают!

– Ты погляди, капитан, чей это джип...

– Сынок развлекается. Все равно, давай, рули за джипом, надо девочек выручать. Да когда же этот светофор переключится!

Я шел себе спокойно по улице, намереваясь отдохнуть после рекогносцировки местности, когда немного впереди меня какие-то парни стали затаскивать в черный «Гелендваген» девушек, кстати, стройненьких и довольно симпатичных. Девчонки упирались, затем стали кричать «помогите». Одну уже затащили на заднее сидение, а вторая еще барахталась на улице.

Я ускорился и, подбежав к машине, попытался воззвать к их совести: «Мужики, вы чего творите? Отпустите девчо-

НОК!»

– Пошел отсюда, баран, пока жив.

Еще стоящему на улице и самому разговорчивому я врезал по зубам, отчего он отпустил девушку и, схватившись за лицо, шлепнулся к передней двери. Я быстро отодвинул девушку и схватил за руку вторую фею, рванув ее на себя и, буквально, выдернул из автомобиля.

Из салона меня в два голоса обложили матом и, вслед за девушкой резво выскочил парень с каким-то помповиком. Зрачки у него были неестественно расширены. Он навел на меня оружие, и, истерично крикнув: «Сейчас ты сдохнешь, падаль!» – выстрелил. Пуля влетела в чье-то окно стоящего сзади меня дома, разбив стекла.

– Капитан, тот урод стрелять начал, сейчас завалит мужика!

– Вижу, давай по тротуару объезжай «Жигуленка».

Холодная злоба проснулась во мне: «Я снова на войне и меня пытаются убить – хрен тебе, щенок!»

Конечно, я не стал дожидаться, пока он в меня попадет, а, уйдя с линии огня, вырубил парня, вырвал у него ствол, правда, он успел нажать на курок, попав в дом. Я перехватил оружие и методично расстрелял всю троицу.

– Ты смотри, он их всех положил, киллер, мать его!

– Бегите отсюда, девочки и никому не рассказывайте, что с вами приключилось.

– Дядя, а вы?

– Бегите, и никому, никакой милиции, а я выкручусь. Вы мне только помешаете. Бегом отсюда!

Газель стала выворачивать на тротуар, но тут переключился светофор и «Жигуль» стал медленно разгоняться, явно не желая быстро подъезжать к месту разборки.

Девочки побежали, а я глянул на оружие внимательнее – семизарядный дробовик «Benelli M4» – очень неплохое оружие, с 1998 года находится на вооружении корпуса морской пехоты США и отряда «Морские котики». Ладно, пора и самому сваливать.

Я собрался бросить винтовку, на ней моих пальчиков быть не должно, ибо заgrimированы они, и бежать вслед за девушками. Газель, сигналивая, обошла «Жигуленок» и рванула к «Гелендвагену». Притормозив чуть впереди него, из нее посыпались омовцы с автоматами.

«Справа ряд многоквартирных домов начала века, слева ОМОН, некуда бежать. Ну, надо же, так не вовремя эти блюстители порядка объявились!» – мелькнула мысль.

– Мужик, не балуй, положи ружье на землю!

– Вовремя же вы подъехали, защитнички.

Меня настороженно окружал десяток здоровых парней с «Калашами». Конечно, я положил ствол на землю и поднял руки.

– Куда его, капитан, надо «Скорую» вызывать!

Капитан подошел и осмотрел машину, три трупа и салон, залитый кровью.

– Что там?

«Тут никакая «Скорая» уже не поможет, все 200-е, папа будет недоволен, – затем, обратившись ко мне, спросил, – стрелок, где так стрелять научился?»

– На охоте.

– Поехали в милицию, охотник.

Часть омоновцев осталась на месте разборок, а часть доставила меня в районное отделение и передала дежурной смене.

Сержант Панькин сидел за столом, формируя ежедневную сводку. Тут ввалилась группа омоновцев, приведшая крепкого мужчину, а один из бойцов положил на его стол многозарядную винтовку. Прибывший капитан переговорил с районным начальством, капитаном Рыжуковым.

– Аккуратнее с ним, парни, он только что, шутя, из этой пушки завалил троих. Похоже, военспец какой-то.

Рыжуков тут же распорядился: «Опергруппа на выезд, на Симбирцева три жмурика. Оформите все, как полагается, а мы займёмся товарищем. Младший лейтенант Быркин, займись оформлением подозреваемого».

«Где-то я тебя видел, стрелок, – размышлял Гулов, следуя к месту несения службы, куда они героически опоздали, – а не будь красного светофора, все бы разрулили без жертв и ты бы, мужичок, спокойно шел бы себе дальше».

«Как убили сына! Кто посмел?! В асфальт закатаю, гада! Громов, разберись и доложи, что там случилось!» – орал по

телефону Ореховиков, когда ему сообщили об этом инциденте.

– Понял, шеф, сделаю.

Начальник службы безопасности сидел на концерте на VIP-местах с очередной своей молодой пассией, поэтому отдал соответствующие указания, отправив в отделение милиции своих помощников.

В отделение завалило четверо бугаев.

– Здорова, служивые, где ваш старший?

– Здравствуйте, я старший, капитан Рыжуков, а вы кто такие?

– Папа сказал, что у вас тут фраерок сидит, который сына самого Ореховикова положил из винта. Нам бы к нему в камеру, поговорить.

– Не положено, по нему будет вестись следствие.

– Слышь, капитан, нам что, Папе звонить, чтобы он вашего полкана напряг, а тот тебя?

– Не надо. Хорошо, только чтобы он внешне прилично выглядел.

– Без базара, все будет аккуратно.

В это же время со мной проводили первичное оформление. Передо мной выступал какой-то молодой, высокий и полноватый младший лейтенантик: «Смотри, какой шустрый. Ты знаешь, что с тобой за это будет, стрелок?»

– Следствие, суд.

– Да вот ни разу ты не угадал. Вначале тебе будет очень

больно.

– А вы на что, чтобы оградить меня «от очень больно»?

– Как мы на что? Мы все, что положено, соблюдаем. Давай уже, колись.

– В чем?

– Фамилия, имя, отчество, год рождения, где проживаете?

– Заднепровский Петро Петрович, 30 лет, проживаю в Заднепровске.

– Это где же такой город?

– Поселок, за Днепром.

– Ты мне тут дурака не валяй. Четко отвечай, где это?

– Одесская область, карту возьмите и найдете.

– Буду я еще карты искать. А ты чего такой борзый? Вот отведем тебя в клетку, посидишь там ночь в компании, будешь поговорчивее.

– Младший лейтенант, опрашивайте меня дальше, без ваших комментариев.

«Быркин, я сам заполню документы. А ты продолжай заполнять текущие отчеты, – бросил к нему Рыжуков, а затем обратился ко мне, – вы, товарищ, убили сына очень уважаемого и авторитетного в городе предпринимателя с большими связями. Я понятно сказал?»

– Понятно.

– Сейчас вас отведут в общую камеру, там сидят люди этого бизнесмена, четыре человека. Если договориться не сможете, стучите и кричите. Помогю, правда, не сразу, но помо-

гу. Отправить вас к ним мне придется.

– Понимаю.

– Да, я хочу работать дальше.

– Понимаю, будем решать проблемы по мере их появления.

– А что, правда, есть городок Заднепровск?

– Понятия не имею, это для этого наглого лейтенанта сказал.

– Хорошо, завтра вас и оформим.

«Если меня завтра оформят, то тогда пиши – пропало, ночью в СИЗО в камере удавят или на заточку нарвусь. Значит, решать вопросы надо сегодня», – подумал я, пока еще сидя на стуле.

Какой-то сержант спокойно, а неугомонный младший лейтенант, периодически пихая меня и подгоняя, подвели к двери камеры, где с меня сняли наручники.

– Иди, отдохни, Заднепровский или Заднепроходский, забыл как тебя, а утром продолжим общение.

Я зашел в камеру, где сидело четверо здоровых лбов. Я видел и слышал, о чем они беседовали с Рыжуковым, поэтому представлял, с кем мне придется иметь дело.

Я подошел к стенке, ожидая начало шоу.

– Слышь, мужик, а чё, представляться не надо? Поговори, про себя расскажи?

– Я представился в отделе, говорить не хочу, а ты не прокурор, чтобы я тебе о себе рассказывал.

– Борзый.

– Мужики, я тут посижу немного и уйду, вы уж без меня беседуйте.

Слово взял довольно здоровый мужик, самый старший по возрасту из сидящих: «Брателло, ты серьезно разозлил очень большого человека. За это отвечать надо».

– Эти обкуренные подонки хотели похитить двух девушек. Представь, если бы это была твоя родственница.

– У меня нет родственницы, но нам приказали поговорить с тобой.

– Парни, я бывший военный, пока вы росли, в школе учились, я в Афгане, в других странах свою кровь проливал. Давайте разойдемся спокойно.

Парни поднялись и стали походить ко мне, охватывая полукругом.

– Брателло, я все понимаю, но за дела ты должен ответить. Так что не обижайся.

– Хорошо, тогда и вы без обид.

– Чего?

Я шагнул ему навстречу и ударил кулаком в кадык – один труп есть. Второй получил ногой в пах и согнулся, громко причитая, а третьего я наповал свалил ударом кулака, проломив височную кость. Последний, оставшийся один на один со мной боевик, рванул к двери и стал орать, чтобы его выпустили. Я свернул шею болезному, который сидел на полу и держался за пах, и приблизился к кричащему о помощи.

– Кто вас послал, за что?

– Мужик, все скажу, не убивай.

– Говори.

– Ты завалил сына Ореховикова, это конкретный местный бизнесмен. Нам приказал тебя прессануть Громов, мой босс, начальник службы безопасности Ореховикова.

– Снова Громов, теперь у меня появились пересечься с ним уже личные мотивы.

– Мужик, без обид, мне приказали, я должен был сделать, иначе смерть.

– Но, ты же не сделал того, что тебе приказали, значит, что?

– Нет, не надо, мужик!

Он стоял напротив меня, выставив кулаки. Я сделал шаг вперед, он выбросил кулак в меня, я заблокировал удар, отбив в сторону, и нанес встречный в лицо, от которого тот попятился назад и ударился спиной о дверь, а я подскочил, обхватил его за голову и с хрустом позвонков свернул шею.

– Вот так, ребята.

Рассадив убитых мужиков у стен, я затарабанил в дверь и стал орать «Помогите».

– Посмотреть бы, что там делается!

«Сиди на месте, лейтенант. Нет, иди, выпусти мужика. И шевелись, давай, – добавив более тихо, – разьел себе жопу, работничек».

Рыжуков ушел к себе в кабинет, позвав кивком головы од-

ного из сержантов, а в дежурке осталось сидеть двое сотрудников. Быркин подошел к двери, глянул в глазок, пробормотав: «Непонятки какие-то, только что орали, а сейчас сидят вдоль стен, словно мертвые?»

Он открыл дверь и вошел в камеру.

– Что за крики, почему орали?

Сильный удар ногой в колено от сидящего на полу человека свалил лейтенанта на пол. Он заорал от боли и схватился за ногу. Я же подскочил к нему, нанес удар по шее, чтобы он заткнулся, а затем от души кулаком по челюсти. После проведенной экзекуции достал из его кобуры табельный «ПМ» и, проверив патроны, вышел в коридор.

Подойдя к дежурке, открыл дверь со словами: «А ну-ка, парни, достали кассетку из видеомэгнитофона системы теленаблюдения, живо!»

– Вы понимаете, что вы делаете!

Я взвел курок и наставил пистолет в лицо сержанта.

– Живо!

Тот вытащил кассету и передал ее мне, а я в ответ ударил того кулаком в лицо, свалив на пол. Затем подошел ко второму: «Наручники давай сюда».

Тот передал, а я пристегнул его руку к ноге лежащего в нокауте милиционера. Затем быстро вышел из отделения, оставив у выхода пистолет Быркина, и растворился в ночи.

Я шел по темной улице, удаляясь от отделения милиции и размышляя.

– По-хорошему, надо валить из города, а по-плохому я остаюсь. Мы еще не закончили разговор, господа Ореховиков и Громов.

Панькин вышел из кабинета Рыжукова и пошел проверить ситуацию с гостями. Через пару минут он примчался в кабинет начальника с криками: «Товарищ капитан, все убиты, подозреваемый сбежал!»

Рыжуков достал пистолет, взвел курок и пошел осматривать место нового преступления. Заглянув в дежурку, освободил двух сержантов.

– Где он?

– Забрал свою винтовку, пистолет, кассету с записями и ушел.

– Хорошо, сейчас посмотрим, что случилось в камере. Похоже, что придется докладывать наверх.

В камере вдоль стен сидело четыре трупа, а на полу начал подавать признаки жизни младший лейтенант Быркин. Рыжуков размышлял про себя: «Точно, «слетевший с катушек» спец из серьезной конторы. За несколько минут уложить четырех бугаев, обезоружить дежурных милиции, забрать улики и уйти. Хотя, какой он «слетевший», нормальный человек, защитивший девчат и себя, сделал все так, как умел, как учили».

Затем, вызвав «Скорую» и сдав раненого, собрал всех оставшихся в отделении людей и сказал: «Пистолет Быркина пропал, значит, он при желании мог нас всех тут поло-

жить, но не стал, просто забрал кассету, чтобы скрыть свое лицо и фигуру, винтовку-улику и ушел. Ничего лишнего, никаких ненужных жертв, разве что Быркина целенаправленно избил, сломав тому челюсть, ногу и, похоже, сделав ему сильное сотрясение мозга, по крайней мере, так сказала фельдшер «Скорой». Не простил лейтенанту его хамства. Понятно, товарищи милиционеры, раз мы обличены властью, находимся «при исполнении», то вести себя должны корректно со всеми людьми, иначе вон что бывает, а Быркин тому наглядное доказательство».

О случившемся было доложено в городское управление и завертелась процедура поиска человека, совершившего в течение вечера семь убийств и нанесшего тяжкие увечья восьмому. Были снова опрошены омовцы, составлены фотороботы всех его видевших, искали свидетелей, искали девиц, искали самого киллера.

Гулов смотрел на составленный фоторобот, и в очередной раз пытался понять, что если убрать патлы блондина, то кого этот рисунок ему напоминал. Словно кадры старого фильма в памяти всплыли события в горах Дагестана, окруженный блокпост, помощь своих, когда их обложили, улыбчивый капитан-спецназовец и его слова «Здорова, капитан. О-о, Геннадий, ты ли это?!»

– Нет, дружище, пусть они сами тебя ищут, а я промолчу о своих догадках. А может, это и не ты, а просто чем-то похожий на того спецназовца человек.

Разговаривал эксперт-криминалист и Рыжуков.

– Странно.

– Что такое?

– Вы говорите, что он сидел в камере, брался за двери, пистолет, который нашли на крыльце у входа, наручники, но отпечатков его пальцев нет.

– Хм, действительно странно.

– Как будто его пальцы обработаны каким-то спецсоставом.

– Судя по всему, придется ждать еще смертей в ближайшее время.

– У нас в городе итак каждую ночь кого-то убивают.

– Нет, я о других смертях говорю, Ореховикова, в первую очередь.

– Ничего не могу сказать, я бы на его месте подался в бега, товарищ капитан.

– Все может быть, всё.

Прибыв к себе в съемный флигель, пришлось срочно съезжать с него. Вдруг мой фоторобот покажут по телевизору и бабка меня узнает. Поэтому утром, простившись с бабулей, я подался в бега. Я с сумкой с вещами катил на маршрутке к конечной остановке в другой конец города. Водитель вез так, как возят дрова. Мало того, что в маршрутке было тесно, все стоящие пассажиры телепались, держась за поручни, словно осенние листья на холодном ветру в ритме его ускорений и торможений, так еще я соскользнул со ступеньки и

больно ударился ногой, а меня локтем по лицу съездила какая-то женщина, также чуть не упавшая при ускорении.

– Ой, простите, молодой человек, не удержалась!

«Ничего, переживу, а вы будьте осторожнее, я вон уже ногу поранил себе, – ответил я ей, затем обратившись к водителю, – слышишь, Шумахер, не дрова везешь, езжай спокойнее.

– Чего не нравится?

– Как везешь, не нравится.

– На автобусе катись.

– Не надо грубить, ты не на личной машине сейчас, спокойнее надо ездить.

– Пешком ходи, чтобы спокойнее было.

– Вот ты козел, а не водила.

Мы подъехали к конечной остановке, где отстаивалось несколько маршрутных «Газелей». Люди по пути разошлись, так что из маршрутки вышло все человека четыре, в том числе и я.

– Слышишь мужик, ты кого козлом назвал?

Я оглянулся, за мной шел молодой водитель, а за ним телепались еще двое его коллег. Одет я был в мешковатую одежду, так что особо статью не выделялся, то есть казался обычным человеком, выше среднего роста.

– Тебя и назвал.

– Мужик, ты попал, за базар отвечать надо.

Я понял, что разговоры тут бесполезны, поэтому поста-

вив сумку на землю сразу «зарядил» подошедшему водиле по зубам, которые тут же и посыпались на асфальт. Двинулся на двух других парней, которые притормозили в некотором замешательстве. Но я был зол, тем более, эти парни шли меня бить втроем, поэтому отоварил и их по рожам и корпусу, свалив обоих на землю. Для порядка, от души попинал всех троих еще довольно болезненно ногами, после чего быстро ушел.

Теперь и из этого района надо сваливать. Правда, я немного парализовал городское движение, ведь троим маршрутчикам после нашего разговора пришлось обращаться в больницу. Я же, уйдя с места драки, вызвал такси и уехал в третий конец города. В лесу с помощью зеркала, парика и подручных средств, типа свернутая куртка и усы, я превратился в полненького, немного сутулого старичка. Зайдя в «Медтехнику», для имиджа приобрел дешевую трость.

Я поселился в частном секторе на другом конце города, попутно прикупил мопед и занялся тем, что стал выслеживать этого самого Громова. Первым делом я дождался, когда из здания фабрики, где у забора я впервые встретил журналиста Бабкина, выйдет знакомый мне в лицо бывший напарник Кастета, Винт. Проследив за ним, а он ездил домой почти тем же маршрутом, что и Кастет, то есть кабак или клуб, дом. Жил он один в частом секторе, так что я без особых проблем допросил его с применением болевых приемов. Он мне и рассказал о Громе: где живет, что имеет двух

постоянных любовниц и где они живут. Узнав то, что мне было интересно, я имитировал несчастный случай, случайно случившийся с гражданином Винтиковым.

Так что выследить босса оказалось делом несложным, тем более, что он и не скрывался. А в его дом просто так попасть было проблематично, мужик знал толк в защите объектов, поэтому я сделал упор на другое.

На следующий день я поехал за Громовым, который катил к первой любовнице. Неплохой, кирпичный многоквартирный домик с огороженным двором, домофоном и вахтером. Они куда-то поехали, так что в результате наблюдения я увидел ее в лицо – дорогая кошечка. На следующий день с раннего утра, дежуря возле ее дома, я дождался, когда она к обеду соизволила выехать на своем кроссовере на шоппинг. Через два часа она вернулась, выйдя из своей тачки с модным кульком, полным какого-то барахла, а я, в образе дедушки, вместе с ее автомобилем зашел на территорию двора через открытые ворота. Мимо нас по тротуару проехал малыш на самокате.

– Куда прешь! Мамаша, смотри лучше за своим хулиганом.

Молодая мама что-то пролопотала в ответ, но моя подопечная ее уже не слушала, зайдя в подъезд.

«Да уж, характер у этой фифы пренеприятнейший», – подумал я про себя. Я поднялся с ней в лифте на этаж выше, одним словом, определил ее квартиру.

За Громовым я наблюдал неделю. День у него был посвящён семье, день он посещал одну, а затем приходил ко второй даме сердца, живущей в небольшом частном домике. Вторая прелестница была помоложе, попроще и поприятнее. Поэтому операцию я задумал провести в квартире, а не в доме, потому что к этой женщине ничего положительного я не испытывал и беречь ее нервы не собирался. Зайдя в нужный день с помощью отмычек в ее квартиру, я приготовился и стал ждать.

Дама заявила к вечеру с очередными покупками и направилась на кухню. Я проводил ее к кухне, выскользнув за ней из комнаты, где и познакомил ее темечко со сковородкой. Более гуманного средства успокоения типа хлороформа я достать не смог. Затем вколол ей приличную дозу снотворного, связал скотчем руки и ноги, наложив скотчевую заплатку и на ее рот. После этих мероприятий уложил ее на кровать в спальне, заботливо прикрыв покрывалом. Я оставил свет на кухне и поставил на огонь дорогой цептеровский чайник – пусть свистит, изображая кухонную работу.

К ужину в двери раздался поворот ключа и зашел Громов. – Дорогая, почему ты меня не встречаешь, где ты?

Я резко вышел ему навстречу из комнаты и сразу нанес несколько мощных ударов в лицо, по печени и шее. Мужик обмяк и упал на пол, явно пребывая в нокауте. Я впервые видел его так близко. В памяти всплыл эпизод моей с ним встречи. Да, это был тот человек, который служил офице-

ром в Афганистане, но тогда он был молод, строен, и воевал на нашей стороне. Сейчас он потяжелел, немного обрюзг, на нем была дорогая одежда, а на лице появилось выражение "хозяина жизни". Я быстро накинул ему петлю на руки и ноги, связав их. Вскоре Громов стал приходить в себя.

– Ну что, Громов, понравилось, как тебе встретили?

– Дед, ты покойник. Ты не понял, с кем связался.

– Вообще-то я не дед, а довольно молодой человек, которого ты решил прессануть в отделении милиции.

– Тебя найдут и убьют.

– Пусть ищут, а пока я нашел тебя, так что сейчас именно я тебя прессовать буду.

– Где-то я тебя видел, голос твой знаком?

– Видел в Афгане, когда мы ночью вышли на позиции твоего батальона во время операции под Кокари.

– Точно, сержант из разведбата, пришел ночью из окружения с отделением. Мы же оба служили, кровь проливали, как же боевое братство?

– Что-то ты не очень о братстве вспоминал, когда своих быков прислал.

– Занят был, не знал, кто там сидит.

– Ничего, оторвал бы задницу от очередной бабы, приехал бы лично проверить, кто там завалил сына босса, тогда и разговаривал бы о братстве. Сейчас ты враг, а лучший враг – это мертвый враг.

– Чего ты хочешь – денег? Все вы хотите денег. И я хотел.

И добился этого, сделал себе приличный капиталец на хорошую жизнь.

– Я не против твоих трудов, сделал и молодец, теперь и я его буду делать. Расскажи об Ореховикове, что за человек. Кое-что я о нем знаю, но ты человек посвященный, поболее расскажешь.

– Хорошо, слушай.

– Вот только не надо шевелить руками! Что там у тебя – мобильная тревожная кнопка или бипер какой? Давай их сюда по-хорошему.

Я прощупал его карманы, но ничего, кроме сотового телефона, не нашел, поэтому на всякий случай отобрал его.

Громов рассказывал о том, что за человек этот Ореховиков, какие за ним тайные пристрастия имеются. Мерзкая информация, но полезная.

– Сволочью ты стал, Громов.

– Вот так мы и стали теми, кто есть сейчас.

– Ты не обессудь, но зарежу я тебя, как свинью. Быстро, чтобы не мучился, как ваши жертвы, потому что был настоящим офицером, но грязно, потому что стал скотом.

– Что задумал?

– Колумбийский галстук. Знаешь, что такое?

– Естественно.

– Прощай, майор Громов.

– Семейку будешь прессовать? Они особо-то и не в теме.

Так, живут на всем готовом, ни о чем не задумываясь.

– Нет, семью не трону, а вот Ореховикова – да. Как его дом охраняется?

– Два охранника на входе.

– Где ключи и твоя машина?

– Ключи в борсетке, машина на стоянке во дворе.

Я усадил бывшего майора на стул, после чего зашел сзади, резанул ему по горлу и вытащил через разрез язык. Затем сделал фото на телефон Громова и положил девайс себе в карман. После этого прошелся в спальню и разрезал скотч на ногах тетки, а то еще помрет, не сумев встать. Даже не стал думать, что почувствует эта «клизьма», когда увидит Громова в таком виде.

Половина дела сделана, осталось за малым, добраться до Ореховикова. Пожилой дедушка, сутулясь и опираясь на палочку, навсегда уходил из этого дома. Выйдя на парковку и поиграв брелком сигнализации, нашел, где был припаркован дорогой внедорожник, уселся в него и выкатился на улицу.

Я подъехал к дому Ореховикова, не опуская тонированных окон. С помощью электромоторов передо мной открылись кованые тяжелые металлические ворота, и я закатился во двор, тормознув возле домика с охраной. Оба охранника, на всякий случай, вышли и встали навытяжку возле моей машины. Я открыл дверь и произвел два выстрела из пистолета с глушителем, который забрал у Громова. Затем, проехав вперед, перекрыл своим джипом обзор тем, кто смотрит из окна, подобранным с земли брелком запахнул ворота и на-

правился к дому «барина».

Нашел этого бизнес-руководителя в кабинете, где он изволил работать под хороший виски.

– Здравствуй, товарищ Ореховиков. Ты, батюшка, аки пчела, весь в трудах.

– Ты кто?

– Ты же меня искал. Вот Громов и попросил, чтобы я к тебе зашел.

– Как Громов?

– Ну, он твой бизнес подмять хочет, нанял меня, чтобы я с тобой рассчитался. Вот я и пришел.

– Вот сволочь. А сам он где?

– Скоро узнаешь. В общем, мне с тобой разговаривать долго желания нет, давай, побыстрее закончим наше дело.

– Дед, у нас с тобой дел нет и быть не может. Я дам втрое больше Громова. Подожди, ты смеешься надо мной! Так ты мне наврал про Громова?

– Естественно, захотелось посмотреть, как ты себя будешь вести.

– Я тебя в порошок перетру. Ты у меня...

– Не шуми, надоел ты мне. Давай выкладывай на стол все свои сбережения: наличные, счета и я пойду.

– А акции?

– Тебе оставлю.

– Дед, ты, видать, совсем головой тронулся. Ты, вообще, как сюда попал?!

Я подошел к нему ближе и от души залепил ему по зубам кулаком. Того словно ветром сдуло с кресла, перенеся на паркетный пол.

– Я смотрю, ты тупой или безграмотный, что не понимаешь русского языка, но упертый, то есть, как товарищ Сухов, желаешь помучиться.

– Ты не посмеешь, тебя уничтожат!

– Так ты на помощь кого-то ждешь? Если своего начальника охраны, то погляди, я специально для тебя сделал фото на его модный телефон.

Хозяин смотрел на фотографию своего начальника охраны, который сидел на стуле в окровавленной рубашке «с колумбийским галстуком» на горле.

– Это... Это что у него на грудь свисает? Боже мой, какой ужас. Это бесчеловечно! Дед, я жить хочу, отпусти!

– Не тебе о Боге говорить, гнида, он разозлил меня, вот и получил по заслугам. Спрашиваю в последний раз, где у тебя тут подвал с деньгами на карманные расходы и заграничные счета с паролями к ним.

– Сколько ты хочешь?

– Вот ты Дуремар – все хочу.

– А я на что буду жить я?

– А кто тебе сказал, что ты будешь жить, да еще и мстить мне. Я устал от тебя, поэтому или говори, или терпи. Кстати, забыл достать скотч и где твои носки.

– Зачем носки?

– Рот тебе заткнем, чтобы не отвлекал меня своим нытьем.

– Подожди, если ты заберешь все, убьешь меня, то зачем же я тебе буду говорить, где мои, слышишь, ты – это мои деньги, я их заработал.

– Смотри, какой работник нашелся. Ты еще скажи, что у токарного станка смену трубил, чтобы их заработать. Убил своих конкурентов, бизнес забрал, причем не сам – сам-то чистенький, а с помощью холуев, антикризисных помощников типа Громова. К слову говоря, твой главный охранник в прошлом офицер ВДВ, нормальный мужик, жесткий, но правильный был и воевал хорошо. А вот ушел на эту сторону баррикад, так стал таким же подонком, как и ты. Ладно бы врагов забугорных валил, так своих же соотечественников мочит, а перед границей расшаркивается.

– Я тебе ничего не скажу!

– В общем, я, смотрю, ты – мужик упрямый, значит, не обижайся. А сейчас давай-ка скорее левую ручку, ты какой документы подписываешь-то? Сам-то с удовольствием смотрел, как по твоему приказу других мучают, кассетки у Громова-то есть с твоими художествами.

– Записывал допросы, значит, вот сволочь!

Я не любитель крови и пыток, для этого нужно, чтобы у человека были нарушения в психике. Гораздо важнее и приятнее во всех смыслах было психологически победить противника, сломать его или договориться, как у нас было с Зией Мохаммедом. Но, если это было необходимо для дела, или

нужна была акция устрашения, как, например, в Таджикистане или Афгане, где враги должны были знать, что с ними будет, если они попадутся нашему подразделению, то зачастую, пытал лично и пытал больно и кроваво. Пачкаться в крови мне не хотелось, но, наслушавшись рассказов Громова, этого человека я считал нужным заставить самому почувствовать боль.

Для начала я передал ему своим пальцем путь движения жизненной энергии в районе запястья. Мужичок вначале сидел спокойно, затем у него участилось дыхание, потек пот и резко скакнул пульс, сердце стало бешено колотиться. Он задергался, по глазам стало видно, что он теряет ориентацию в пространстве, отчего испугался. Я отпустил руку и ткнул ему иголкой под ноготь, резкой болью возвращая того на землю. Тот плача, показал, что будет говорить.

– Чего надо? Видишь же, что мешаешь мне своими разговорами.

– Больно-то как и страшно, а тебе нравится так вот людей мучить?

– Людей нет, а таких, как ты – да, чего хотел?

– Обещай, что убьешь меня легко.

– Я в таком деле не обманываю.

– Деньги лежат в подвале, вход в него за фальшпанелью в одной из комнат. Шифр замка следующий, там же в подвале и сейф в стене, шифр от него такой. В сейфе два диска с номерами счетов и паролями к ним в разных банках.

– Надеюсь, никаких ловушек нет?

– Нету, нету.

– Что-то не доверяю я тебе. Пойдем-ка, товарищ, вместе со мной, сам там все мне и покажешь.

Мы притопали в цокольный этаж, где мужик подошел к стене, отделанной деревянными панелями. Нажал на скрытую кнопку, щелкнул какой-то вделанный в стену такой же скрытый фиксатор, и мужик одной рукой сдвинул метровый пролет стены. За ним была металлическая дверь с кодовым замком, которую он открыл, а я проверял записанный шифр с теми цифрами, которые он набирал сам – совпало. Перед нами открылась небольшая комната с грубой, не сглаженной бетонной стенкой с одной стороны, и оштукатуренной с какими-то элементами декора с другой. Посередине комнаты на полу стояла полета размерами метр на метр, а может быть, и больше из пачек отечественных рублей и немного валюты.

– Неплохо!

– Копейки, всего лишь под девятьсот лямов рублей.

Я прикинул 900 миллионов разделить на курс 35 рублей за евро, действительно немного в их деньгах. Затем придвинул тумбу и застопорил ей тяжелую входную металлическую дверь.

– Ну что, миллионер, пошли смотреть твою блюдечко с голубой каемочкой.

– Я не Корейко, так что блюдечек с каемкой у меня нет.

Мужик включил свет, подошел к грубой бетонной стене,

а я, грешным делом, подумал, что он пойдет к отделанной стенке. Молодец, все наоборот сделал, где снова отжал скрытый фиксатор, и на металлических направляющих отскочила небольшая часть бетонной стенки. Он подцепил ее снизу руками и снял, поставив на пол. Передо мной в нише примерно 40х40 сантиметров была видна стенка сейфа с кодовым механическим замком. Немного оттеснив меня, он начал открывать сейф. Я смотрел за ним, снова сверяясь с его записями.

– Чего это ты ошибся на знак?

– Может впопыхах перепутал, не то сказал, сейчас открою сейф.

– Молодец, здорово придумал, я бы без твоих подсказок и не нашел бы этот сейф или промаялся бы тут уйму времени.

Я попытался его отстранить, но он ответил:

– Сейчас я еще один секрет отключу, тогда забирай мои деньги.

Я отвернулся, рассматривая деньги, лежащие сзади, а он повернулся к сейфу, заглядывая внутрь его.

В это время я тихо сделал шаг в сторону, встав полностью ему за спину.

«Вот здесь мои денежки, а ты, фраерок, получай свою пулю, меня еще никто кинуть не смог!» – заорал хозяин и выстрелил раза три в то место, где я только что стоял.

Я быстро рубанул ему по шее, после чего он обмяк и упал на пол.

– И незачем так орать, стрелял бы молча, может и попал бы. Хотя, оглушил ты меня знатно в этом склепе, ничего не слышу.

Я поднял выпавший из его руки пистолет по имени «P226» знаменитой швейцарской «SIG-Sauer», который в далеком 1981 году, то есть на момент своего появления на рынке вооружений был признан специалистами одним из лучших, а возможно, и самым лучшим девятимиллиметровым боевым пистолетом мира. Хорошая машинка, если им оснащаются подразделения спецназа флота США, ФБР, а также стоит на вооружение некоторых европейских армий, в том числе и у легендарной британской Специальной Воздушной Службы – «SAS». Теперь и в моей коллекции будет. Я собрал пули и гильзы и сложил их в карман.

Выгреб я и сейф, достав оттуда какие-то бумаги, на досуге разберусь, два диска, пару чековых книжек разных американских банков и три обоймы к пистолету. Обвязав руки клиента скотчем, я пошел в комнаты в поисках компьютера, чтобы посмотреть на содержимое дисков. Да, не обманул он меня, на каждом был записан файл с номерами и реквизитами счетов, реквизиты банка и файл с паролем. На одном из дисков я стал обладателем 250 миллионов, на другом порядка 350 миллионов евро.

Вернувшись в подвал, я перетащил плохого человека в его кабинет, наличку уложил в коридоре, закрыл фальшпанель, обмазал палец зеленкой из оставленного тут же открытого

пузырька, положил иголку с ниткой, ватку и бинт. В общем, сделал все, чтобы было видно, что человек работал, потом себя лечил, в духе старинной русской поговорки «Ну что, лечить будем, или пусть живет?», и шприцом вколол ему в вену на кисти совсем чуть-чуть яда черной мамбы. Пациент умер от паралича сердца.

Теперь надо вывезти наличку. Перенеся все добро в здоровенный «Лексус» Громова, ожидающий меня во дворе, я выехал из усадьбы бывшего хозяина холдинга, состоящего из десятка предприятий, и покатил на свою квартиру.

В свежем номере газеты была статья журналиста Владлена Бабкина под заголовком «Никто не уйдет от расплаты за дела свои».

Глава 5. Воспитатель

Я полностью рассчитался с хозяйкой, затем в тот же день купил «УАЗ Патриот», загнал обе машины в лесочек за городом, перегрузил деньги, отогнал «Лексус» подальше от места перегруза, чтобы протекторы моего нового авто не засвечивать рядом с тачкой убитого. Затем пешком вернулся по шоссе к «УАЗу» и поехал подальше из этого города.

Мой выход в свет начинался с напяливания парика, накладывания на подушки пальчиков маскирующего узор "грима", в общем, я здорово свыкся с этими атрибутами своего бытия, как женщина, которая каждый день занимается «мэйк апом» своей внешности. Ничего, личная безопасность стоит потраченного времени и некоторых неудобств. Совершив несколько подвигов, я подался в глубинку, поближе к лесам, к знакомым мне по прошлой жизни местам, то есть под Улан-Удэ. Проехав городок Тарбагатай, с которым связаны события, во многом помогшие мне во второй жизни, остановился в Гусиноозерске. Вокруг леса, до границы с Монголией километров 100 будет, цивилизация лишь в центре городка – хорошее место пересидеть. Поселился я недалеко от исторической улицы с названием Кяхтинский тракт, но в глубинке переулочков, практически на окраине. Недалеко протекала речка Тухумка, высилась гора Бабка, и блестяло бирюзовым цветом Гусиное озеро – благодать.

«Хозяйка, – обратился к женщине лет под 35, ковыряющейся в огороде, – никто тут жилье не сдает?»

– Никто, кому же тут сдашь-то его!

– Мне, например.

– Так селись, коль не побрезгуешь, хочешь в доме, хочешь во флигеле, по оплате много не возьму.

Осмотрел я и то, и то, и решил остановиться на деревянном флигеле.

– Хозяйка, вы непротив, если я кое-что подремонтирую?

– Не против, только меня в известность поставь наперед.

– Хорошо, наперед и поставлю.

В принципе все было по-спартански минимально: металлическая кровать эпохи Сталина с матрасом, старенький шкафчик для вещей, столик и пара табуреток. Из неудобств отопление было печное, туалет на улице или «ночная ваза» типа ведро, если холодно выходить, да вода набиралась в колодце на улице – обычное деревенское жилье.

– Ничего, пересажу немного в этой глухомани, поработаю на земле, порыбачу, а там что-нибудь придумаем. Годы-то идут, не мальчик уже, к земле привыкать пора, а дальше подамся назад в цивилизацию, да и Джорджу пора придет выехать из России.

В общем, пожил я пару дней, да и занялся прогрессорством на отдельном участке. Нанял бригаду работяг, они мне пробурили скважину, я выкопал полутораметровый колодец, обложив его кирпичом и установив водяной насос,

прокопал траншеи в дом и во флигель, сделал трубную разводку, вырыл сливную яму, также обложив ее кирпичом. Причем от повышенного энтузиазма, чуть было не стал копать яму глубже, чем высота лестницы. Затем купил водонагреватель, повесив его в доме. Попутно, шабашники пристроили утепленный деревянный душ к уличной баньке, куда я так же подвел воду и трубы слива. Тетка молчала, лишь покачивала головой. Совершив этот трудовой подвиг, мой энтузиазм закончился, и я стал просто жить, ходя на рыбалку, гуляя по лесу и собирая грибы.

С Еленой Николаевной Прищепиной мы подружились. Во время работ она частенько приглашала меня поужинать, а за этим делом разговаривали о жизни. Она была директором детского дома, поэтому хлопот у нее хватало. Дело шло к школьным каникулам, что тоже добавляло суету.

– О чем печалитесь, Николаевна?

– Да вот, финансирование домов-то неважное, преподавателей нет, никто идти не хочет. Работать тоже тяжелее стало – дети стали другие, чем когда я начинала, какие-то малолетние бандиты.

– В смысле, бандиты?

– В том смысле, что 8-9 класс считают себя слишком взрослыми, не слушают нас, педагогов.

– А по заднице ремнем?

– Да кто же их наказывать будет? Нас – несколько теток, да завхоз – мужик пенсионер. Милиция иногда приезжает,

утихомирить, но это не выход.

– А чем заниматься будут на каникулах?

– Так ничем.

– Вот от отсутствия дела и маются дурью.

– Может ты, Виктор, поработаешь преподавателем, хоть на полставки, а то совсем грустно.

– Ну, что же, поработаем с молодым поколением, только просьба – не вмешиваться в процесс воспитания.

– А что вы собираетесь делать?

– Я человек военный, привык отдавать приказы, а приказы должны выполняться четко и быстро, иначе последует наказание.

– Ладно, попробуйте, только без членовредительства.

– Это само собой.

– Тогда ты поработай недельку, попробуй, а дальше мы тебя оформим, как полагается, если захочешь.

На следующий день вместе с директором я заявился в детдом. Меня представили преподавательскому составу – несчастным четверем учительницам-воспитательницам и завхозу Николаю Анатольевичу, мужику лет под 65.

В детдоме было три группы воспитуемых, разбитых на три учебных класса по возрастам 16, 15 и 14 лет, то есть девятый-седьмой классы. Меня представили в старшем классе, как нового воспитателя.

Что можно было сказать, обычные дети, немного насупленные, то есть встретили меня в штыки, как текущую про-

блему. Как мне показалось, дети, которые были в детдоме в Шахтах в далеком 1945 году были позлее и поздоровее, чем эти. Ничего, обломаем наглых, подбодрим нормальных.

Ну, что же, конец учебной четверти, чего еще ожидать от детей, которым учеба даром не нужна, как полного пофигизма, типа отмучились. Однако впереди их ждали четвертные контрольные по истории, физике и географии – это те предметы, которые я должен был одолеть с ними. В этих предметах я мог что-то рассказать даже с "чистого листа". Мог я вести биологию и даже ботанику, но этот предмет давала детям штатная профильная преподавательница. Честно говоря, я хоть и был близок к садоводству и огородничеству в первой жизни, живя в частном доме, так что пестик от тычинки мог отличить, но все эти семейства и подсемейства мне как-то не очень ложились на душу. Анатомию человека мог рассказывать долго и нудно или интересно, но с точки зрения нанесения ей, этой анатомии, наибольшего вреда.

Первым уроком была контрольная по физике у 9 класса. На уроке пришлось самому попытеть, решив контрольные задачи, после чего сравнить свой труд с "правильными ответами". Затем, пройдясь по классу, я понял, что из 15 человек что-то смогут решить человека три, еще парочка изобразит половину, остальные были полными нулями, поэтому постучав указкой по голове одного из двоечников, шучу, по учительскому столу, я обратился к ребятам: «Вижу, что за исключением одного парня и двух дам, никто ничего не ре-

шит. Тебе, тебе и тебе ставлю пять, только допишите контрольные, остальные будут решать ее вместе со мной, может быть, хоть списать правильно сможете.

– А зачем нам физика?

– Такие вопросы задают только дебилы. Иди, возьми эту отвертку, открути винтик на розетке и возьми за провода руками.

– Сам ты дебил, током ударит, если не знаешь.

– Вот видишь, а говоришь, что физика не нужна. А теперь встал, подошел к доске и извинился передо мной за то, что оскорбил старшего по возрасту, к тому же учителя, а класс отвлекаешь от написания контрольной.

– С какого перепугу я должен идти! Мне на тебя взять и положить, тоже мне старший.

– С такого, что если к тебе подойду я, то тебе будет очень больно.

– Да пошел ты, препод нашелся.

Пришлось мне встать из-за стола и отправиться к бунтарю.

– Запомните этот день, товарищи хулиганы и лентяи, анархия закончилась. Ей на смену пришла армейская дисциплина и порядок.

Подойдя к пацану, я залепил ему затрещину, от которой он стукнулся головой о парту, затем, взяв за воротник, выдернул его из-за нее и швырнул по проходу к доске.

– Тебе это так не пройдет!

– Не тебе, а вам. Пройдет, еще как.

Схватив за шиворот, поднимающегося и всхлипывающего в связи с потекшей из разбитого носа кровью, пацана, я перевалил его через учительский стул со словами: «У тебя есть два пути. Первый, ты как взрослый человек извинишься и пойдешь писать контрольную, и второй, когда я сниму тебе штаны и отлуплю по заднице ремнем – вот позорище будет. К тому же следующие дни ты на уроках только стоять будешь, пока попа не заживет. У тебя минута на размышление, время пошло. А пока это дарование думает, – обратился я к классу, – скажу, что я служил в спецназе. Это очень жесткое и тяжелое подразделение. Позже, если будет интересно, расскажу о порядках в нем, о своих друзьях, о том, как мы жили и воевали. Кто захочет и кому будет интересно, того буду учить спецприемам, будем ходить в походы, в которых научимся разным армейским премудростям, а кому нет, тот пусть живет так, как хочет, просто выполняя обязательную программу. Итак, какой твой ответ?»

– Первый вариант. Извините меня, Виктор Андреевич.

– Правильно. Скажу всем, что признать свои ошибки может только сильный духом человек. Слабак, он и есть слабак, обычная дешевка. Садись, а мы продолжим вместе писать контрольную работу.

Следующим уроком была контрольная по истории в 8 классе, которую написали без эксцессов – слухи разносятся быстро.

– Слышь, братва, с новым преподам шутки плохи, сразу в морду бьет, из спецназа мужик.

«Виктор Андреевич, так непедагогично, вы Симонова избили, а он слабее вас», – после уроков в учительской ко мне обратилась молодая воспитательница, преподающая биологию и ботанику.

– Анна, где вас этому штампу педагогичности научили? Детей надо воспитывать адекватно их проступкам. Они должны понимать слово «нельзя», а если не понимают, тогда нужно один или несколько раз хорошо наказать. А если ребенку во всем потакать, то из него вырастит законченный эгоист, который сядет на шею родителям, или вам, воспитателям, да еще и указывать будет. Вы знаете, кто такой Макаренко, читали его «Педагогическую поэму»?

– Да, известный педагог, не читала.

– Вот прочитайте, как ему приходилось управляться с беспризорниками гражданской войны, а там время серьезнее было, беспризорные парни с оружием и грабежами дело имели.

Дома моя квартиросдатчица поинтересовалась: «Как прошел первый день?»

– Все, как и полагается, вживался в среду. К тому же, сегодня были лишь контрольные работы, так что особо не познакомишься, Елена Николаевна.

Директор улыбнулась. Конечно, она узнала сплетни о том, что главный заводила детдома сегодня слегка отхватил по

шее, а после указующего пинка под зад даже встал на путь исправления.

– Вы уж особо не зверствуйте, это все же не армия.

– Так в армии рукоприкладства нет. А если серьезно, ничто так не помогает воспитанию, как хороший пинок в нужное время. Тут, главное, сделать коллектив своим союзником, противопоставить его хулигану, чтобы тот остался один. К тому же существует вечный закон управления массами – кнут и пряник, ничего нового.

– Ну-ну.

На следующий день я снова пришел на очередной урок в старшем классе.

– Что, коллектив, кто сделал домашнее задание – поднимите руки. Ясно, судя по вашей реакции, задание делали лишь четыре человека, им я и поставлю пятерки за усидчивость.

– Вот вы ставите пятерки, даже не спрашивая, как они знают.

– История, это предмет, который очень неточен, поэтому то, как было на самом деле, никто толком не знает. Вместе с тем для общего кругозора официальную историю знать надо, чай не дикари-с, так что новую тему я вам расскажу, а потом мы поговорим за жизнь.

Рассказав за 15 минут плановую тему, я обратился к коллективу.

– Ребята, девчонки, скучно живете, слишком обыденно и

примитивно, никаких интересов не вижу у вас. С такой жизнью с тоски завывать можно.

– Можно подумать, что мы что-то можем сделать. Живем, как получается.

– Все верно, я вас не обвиняю, вам итак по жизни досталось, что семьи нет. Но всем вместе можно же что-нибудь придумать, например, поехать на каникулы в путешествие по стране. Были бы у вас заграничные паспорта, да разрешение от властей, махнули бы в Египет, но раз такого нет, то ограничимся Россией.

– Так денег нет на это.

– А вот деньги на такое дело мы, как раз и изыщем. А приключения, было бы желание, так они сами нас найдут.

– Да что тут найдешь?

– Видели по ТВ, как человек с акулой разговаривал, спасал ее?

– Да, показывали по телеку. Так, то ж за границей было, у нас такого не бывает.

– За границей, но человек-то наш, а приключения сами его нашли.

– Как наш, там англичанин какой-то!

– Это он представился англичанином, а на самом деле очень даже наш парень.

– А вы его знаете?

– Очень хорошо знаю. Будет желание, поглядим еще на него. Но, возвращаясь к поездке, предлагаю после уроков со-

браться во дворе и обсудить наши планы. Вначале решим среди взрослых, то есть вас, а затем подтянем и младшие классы, всем надо участвовать в обсуждении, как жить дальше. Но, чтобы мы могли это реализовать, мне нужны помощники: командиры отряда, взводов, звеньев. Сразу предлагаю командиром нашего спецотряда назначить самого боевого парня – Александра Симонова.

– Так он же хулиган, вы же его сами побили!

– Савельева, пасть закрой, я тебе дам, хулиган.

– Александр, Савельева права в том, что ты был хулиганом ровно до сегодняшнего дня. Теперь ты серьёзный человек, мой помощник и заместитель по нашему общему делу. В общем, парни и девчата, кому интересно, приходите сюда после уроков.

На педсовете я озвучил свое видение дальнейшей жизни. «Полностью поддерживаю Виктора, – взял слово завхоз, – это же может изменить ребят. Если Виктор сможет воплотить задумки в жизнь, то я во всем ему помощник. Больно смотреть, как бездарно проводят свою жизнь дети, из-за того, что нет денег на приобретение необходимых инструментов и материалов».

– Ну, что же, давайте попробуем. Виктор Андреевич, вы же понимаете, что мы не сможем вам компенсировать затраты, просто не из чего.

– Понимаю, Елена Николаевна, ничего, несколько сотен тысяч рублей не такая уж большая цена за умы подростков.

Что еще я хотел бы озвучить. Поездка, это хорошо, но я предлагаю внести и дополнения в учебный процесс, а именно, дополнительные занятия или, правильнее сказать, кружки по интересам. Например, пригласить преподавателя изобразительного искусства – включим ИЗО в обязательное обучение, и как кружок по интересам после уроков, кто-то из ребят обязательно будет туда ходить. Потом не лишним будет пригласить учителя танцев и игры на гитаре. Инструменты, одежду для танцев, обувь и расходники для ИЗО мы приобретем, когда решим с преподавателями. Потом, если кто-то из вас умеет шить, давайте откроем кружок кройки и шитья, я оплачу покупку пяти простеньких швейных машинок, кроме того девочкам надо участвовать в процессе приготовления пищи.

– У нас есть повара, а детей нельзя привлекать к труду.

– Это кто же такое дал указание? А вы своим внутренним приказом определите эти работы, как дежурства или уроки обеспечения жизнедеятельности, типа ОБЖ, или как оно называется. Для мальчиков организуем строительный кружок, наш завхоз подготовит список инструментов и материалов. После небольшой практики по знакомству с инструментами, как ими правильно пользоваться, начнем косметический ремонт некоторых помещений силами ребят, моими и завхоза. Все это проведем, как учебные занятия. Я возьму на себя спортивную подготовку детей.

– Давайте пробовать.

Получив добро на реализацию своих задумок, я собрал весь коллектив.

– Ребята, собираемся на пустыре, надо за жизнь перетереть.

– Виктор Андреевич, вы же на уроке сказали, что надо правильно говорить, без блатного жаргона.

– Точно, вот перетрем и начнем говорить культурно.

Мы разговаривали о жизни.

– Ребята, давайте я расскажу о нескольких случаях, а вы скажете, правильно ли поступили герои рассказов. Какие-то эпизоды я видел лично, о каких-то мне рассказывали очевидцы, но все они о нашей жизни.

А потом я рассказывал случаи из своей жизни: о детдоме после войны, о дружбе и взаимовыручке на войне, об армейских жизненных эпизодах. Вспомнил роман "Республика Шкид" о беспризорниках гражданской войны и их детдомовской республике с самоуправлением. В общем, в своих рассказах я старался зацепить их за живое, за то, что им близко и знакомо по их бессемейной жизни, делая упор на взаимовыручку, и поддержку друг друга, которые проявляли герои моих рассказов.

Ребята, вначале редко, потом все активнее включались в обсуждение, вспоминая и свои жизненные случаи. Подошел завхоз, тоже рассказавший несколько эпизодов из своей жизни.

– Виктор Андреевич, а вы, правда, в спецназе служили?

– Правда, ребята.

– А как это – служить в спецназе?

– А вот завтра и начнем познавать, как это служить, а когда-нибудь в будущем я покажу вам и другую сторону службы, когда тебя берут в плен. После собрания я поставил на единственном компьютере, установленном в актовом зале, видео со спасением акулы, футбольным матчем с «Реалом» и боксерским поединком с Макутой.

– Вот так, парни, а вы говорите, что скучно живете. Было бы желание, а приключения вас сами найдут.

Парни потом переговаривались между собой: «Ну чё, пацаны, Витя, вроде, нормальный мужик».

– Да воощ-е-е-е, самому «Реалу» голов насувать.

– Чего там футбол, как он негра отделал, во-о-ще-е-е!

– А кто из вас рискнет акулу освободить?

– Да-а-а, такая акула, что е–мае, а Витя полез ее спасать!

– Что не базарьте, пацаны, Витя реальный чел!

Затем началась подготовка к поездке на море. Коллективом проехали в магазины с дешевым китайским ширпотребом, где купили пляжные принадлежности девочкам, да и парням плавки, шорты и обувь, хотя по мне и в обычных семейных трусах перекаптовались бы.

Через неделю толпа детдомовцев на самолете совершила свой первый перелет до самого Черного моря, поселившись в недорогую частную гостиницу минутах в тридцати от моря, но расположенную в красивом ущелье за Курортным го-

родком в Адлере. Так что весь наш детский дом, включая воспитателей, отправился на Черное море за мой счет.

– Настя, к тебе подруги с ребятами пришли, пойдите, погуляйте.

– Не хочу.

– Вон за тобой ребята ухаживать пытаются, а ты дома сидишь.

– Хотят, пусть пытаются.

– Анастасия, пора жениха присматривать.

– Присмотрю, мама.

– В общем, поехали с нами на море, развеешься, что ты дома одна сидишь.

Неожиданно жарким выдался конец октября, так что погода была отличная, солнечная, море теплое, и на пляже было довольно много отдыхающих.

Воспитатели и я, специально напрягший старших ребят, совместно организовывали культурную программу детдомовцам.

Утро начиналось с зарядки для всех, после завтрака были море, спортивные мероприятия типа игр в футбол, бадминтон, волейбол на спортплощадках, когда я либо брал напрокат инвентарь, либо играли своим.

Чтобы дети не расслаблялись, а наотдыхались по «самое не могу», мы совершили экскурсии в Абхазию в Новый Афон с горными пещерами и посещением монастыря, Гагру и Пизунду, гуляли по Сочи, совершили сплав по реке Мзымте.

Ребята и девчата были в восторге от путешествия: приличное питание, купание в море, экскурсии – все это было внове и непривычно для них.

Глава 6. От судьбы не убежишь

Освобождаясь от своих обязанностей, после обеда я ходил на море отдохнуть и поплавать. Я догадывался, что возрастные замужние воспитательницы обсуждали меня, а чего им еще делать по вечерам, зачем-то заочно сватая за меня нашу молоденькую биологичку. Но я никаких шагов навстречу не делал, а они тоже, похоже, что стеснялись подпольного миллионера, лишь выжидающе смотрели на меня.

Я выкупался в теплом море, напрыгавшись на больших волнах, и стоял, обсыхая на ветру. Не люблю вытираться полотенцем, предпочитая высохнуть под теплым южным ветерком и обжигающим кожу солнцем, не люблю лежать на шезлонгах, предпочитая первозданную природу: гальку или песок. Песок мягкий, лежать на нем удобно, но он прилипает, попадая на вещи, волосы и тело. Галька более жесткая, зато чистая и хорошо греет кости, так что ее я больше люблю. Как говорится в анекдоте "Штирлиц встал с Гальки и они вместе пошли купаться".

Девушка в купальнике небесного цвета, черных солнцезащитных очках лежала на шезлонге, принимая солнечные ванны. Мягкий ветерок приятно ласкал ее стройное загорелое тело, волны с легким плеском накатывали на галечный пляж, иногда обдавая ее ноги долетающими брызгами и убаюкивая своим размеренным, спокойным ритмом. Девушка

так же расслабленно, с легкой ленцой рассматривала отдыхающих, иногда улыбаясь чему-то своему. А мысли неспешно облекали в форму то, что видели ее глаза.

– Ой, какой пузатик, что же ты так на меня смотришь, жена же рядом. А вот счастливая молодая пара с малышом, они любят друг друга и заняты только собой. А вот ворчливая корова, которая даже на пляже пилит своего мужа, выказывая свое недовольство, а мужик, слушая супругу, изредка бросает на нее тайные взгляды. А вон представитель солнечного Кавказа "кушает" ее плотоядным взором. А вот какой-то здоровяк принимает солнечные ванны, и не боится обгореть без солнцезащитного крема, но смотреть в ту сторону неинтересно, слепит солнце. А вон шумная компания молодых парней. Да, разные люди, разные характеры, но все приезжают сюда отдохнуть от суеты быта.

Девушка посмотрела на часы и стала собираться, а лежащие на пляже в непосредственной близости мужики разочарованно смотрели на это действие. Она встала с шезлонга, надев на себя синее летнее платьице, собрала вещи и замерла. Из динамиков, размещенных на пляже, неслась песня Трофима «А ты стоишь на берегу в синем платье и, даже краше, не могу пожелать я...».

Я открыл глаза, почувствовав на себе чужой взгляд, чуть повернул голову и увидел эффектную брюнетку, смотрящую на меня.

«Только не это», – пробормотал я, ведь в нескольких мет-

рах стояла и, улыбаясь, смотрела на меня Настя Тарасова.

«Повзрослела и похорошела девушка, – автоматически отметил мой мозг, – давно я тебя не видел, фея летнего отпуска».

Тут к девушке подошли четверо парней. Идиллия нашей встречи оказалась нарушенной молодыми искателями курортных романов.

– Принцесса, разрешите вас проводить!

– Мальчики, я занята, извините.

– Девушка, ну что вы так сразу, давайте познакомимся.

– Ребята, правда, я не знакомлюсь.

– Принцесса, ну что вы такая строгая, улыбнитесь.

Слушая их диалог, я понял, что пришло самое время совершать очередной подвиг.

«Парни, добрый день. Девушка вам сказала, что она занята, – пробуровил я им, затем обратившись к Насте, – пойдём, я тебя провожу».

– Мужик, вообще-то мы первые решили с ней познакомиться, чего ты влез?

– Я с ней уже знаком, так что без обид, парни.

«Ты чего, борзый, что ли?» – сказал один и схватил меня за плечо.

Я аккуратно взял его за лучевую кость и провел болевой прием, отчего тот присел на землю.

– Больно, пусти.

– Парни, не стоит устраивать на пляже драки, это не то

место. Давайте разойдемся красиво.

– Все! Отпусти.

Я отпустил парня, девушка взяла меня под руку, а я ее и свои вещи, и мы пошли с пляжа, беседуя друг с другом.

– Кореша, пошли, перетрем с этим хахалем без свидетелей!

– Да, ладно тебе, ну его, хотя, девочка хорошенькая.

– Лось, давай, пошли, вчетвером мы его быстро правильно жить научим.

– Ты видал, какой он накачанный, как бы он нас не того.

– Лось, не очкуй, пошли, хоть за компанию постоишь, ты здоровее его выглядишь.

Мы шли и разговаривали, Настя держала меня за руку и рассказывала о своей жизни.

– Думал, что ты обо мне станешь расспрашивать.

– Захочешь, расскажешь сам. Но, конечно, я обо всем у тебя порасспрошу: я видела флэшку с твоим пленением, про акулу и вообще!

– Ладно, расскажу.

Меня догнали четверо молодых людей.

– Слышишь, дядя, перетереть надо!

Я оглянулся, передо мной стояла компания молодых крепеньких, возможно в качалке занимаются, парней с пляжа.

– Чего ты там перетирать собрался?

– Ты, дядя, меня обидел! Решил на людях перед девушкой фраернуться, посмотрим, какой ты без свидетелей крутой.

«Хочешь посмотреть, посмотри», – сказал я и «зарядил» тому боковой в челюсть, от которого парень прилег на землю.

– Еще есть обиженные или инцидент исчерпан?

– Да, вроде, нет обиженных.

– И правильно, парни, незачем на отдыхе мордобоем заниматься.

Мы пошли дальше, а Лось стал поднимать упавшего товарища.

– Е-мае, надо же, как он врезал, я сразу вырубился. Лось, где он, порву урода.

– Петро, ты стоять-то можешь сам?

– Голова кружится...

– Посиди Петро, пусть они идут, иначе ты вообще не встанешь.

– А чего вы не вписались?

– Да уж очень ты конкретно упал, не рискнули.

– Эх вы, а еще кореша называетесь...

Мы прогулялись, покушали в летней кафешке, и много говорили. Теперь пришлось рассказывать мне о некоторых своих жизненных приключениях.

– Пойдем к нам, папа будет очень рад. Они с дядей Колей очень переживали, когда ты пропал.

– Настя, у меня пока есть незаконченные дела, надо их решить, тогда и появлюсь, а пока я в стране нелегально.

– Ты не пропадешь снова?

– Нет, будем с тобой на связи в инете.

– Запиши мою почту.

– Я запомню, Настюша. Но родителям пока ни слова, чтобы не подставить их.

– Хорошо, а Расскажи еще что-нибудь.

– Хорошо, давай я Расскажу выдуманную историю о невыдуманном человеке.

– Это случилось не с тобой?

– Нет, иначе меня бы здесь не было и все у меня сложилось бы по-другому, в общем, слушай.

Чтоб эту часть тебе понять,

Мой друг, расслабься, сядь в кровать,

Себя к подушке прислони,

Но только, Солнце, не засни!

Представь себе ты море, лето,

Себя под ультрафиолетом

Приятных ласковых лучей,

А рядом тихо плещут волны –

Они игривы и свободны

Щекочут пальцы ног твоих.

Ах, хороши воспоминанья!

Но, друг, их сбрось очарованье.

Пришла пора узнать сказанье.

– Да вы поэт, сударь!

– Нет-с, балуюсь рифмованием. Звонок в дверь, женщина открыла вечернему гостю, улыбнулась, мягкий поцелуй в

щеку и произнесенные ею слова:

– Проходи на кухню, будем пить кофе.

Он легким движением руки достал из кулька коробочку французского шоколада, затем сел за стол. Она хлопотала у плиты с кофе, разлив его по чашкам и присев напротив.

Он: «Вчера мы были вместе и так замечательно провели день. Мне было очень хорошо с тобой, я спешил к тебе сегодня, но ты сказала, что освободишься только вечером. Я пришел раньше, чем мы договаривались, в надежде, что ты будешь дома, но, увы. Где ты была так допоздна? А-а-а, ты снова ходила к нему?! Что за обязательный воскресный секс, ради чего! И тебя опять отправили одну так поздно домой – это рискованно!

Ее лицо нахмурилось.

– У меня есть дела, важные дела, которые имеют значение в моей жизни, и не касаются тебя. Я не хочу их обсуждать. Или у меня не может быть моих дел?

– Нет, конечно, у тебя есть и должны быть свои дела, как у любого человека. В твоей жизни все они имеют важное место и значение, занимая ее всю. Мы могли бы быть вместе, но в ней совсем не находится места для меня.

– Мне так комфортно, привыкай.

– Привыкай, говоришь... Так чего я зашел-то? Я просто хотел увидеть тебя и сказать, что немного приболел. Поэтому, чтобы не сеять тут микробы, я пойду домой.

Он зачем-то покашлял, шмыгнул носом, положил свою

руку поверх ее руке и мягко пожал.

«Конечно, иди, – улыбнулась ему она так, как только она умела улыбаться, – выздоравливай и приходи потом».

– Да! Может быть, потом...

Он накинул куртку, неловко зацепив плечом дверь, и ушел. Она вернулась на кухню, взяла свою кружечку – вкусный, ароматный кофе уже не обжигал губы и язык. Она посмотрела в окно, от дома уходил ее вечерний гость, обычный добрый и внимательный к ней человек, уходил, не оборачиваясь. Его фигура растворялась в сумраке вечера, пока совсем не исчезла.

«Люди приходят, люди уходят...» – вспомнился ей мотив старой песни.

Она задумчиво смотрела в окно, где давно погасли последние лучи солнца, уступив место царице ночи – желтоглазой Луне.

– Хорошо это или плохо? Да, я бываю в дорогих местах, и занимаюсь с тем, другим, сексом! Если хорошо, то хоть это хорошо, а если плохо – тогда это просто бессмысленно потерянное время. Вот именно, бессмысленно потерянное!

Она смотрела в окно, как зажигаются огоньки в окнах домов, в которых живут шумные семьи, а где-то он или она коротают свои вечера в одиночестве.

Вдруг женщина встрепенулась, быстро оделась. Она ушла в ночь по своим, очень важным делам, которые неожиданно нашлись у нее этим вечером.

Звонок в дверь. Он встал с кресла, подошел к двери и открыл ее.

– Ты?

– Я. Ты же приболел, вот я пришла проверить, как ты лежишься.

Она шагнула в квартиру, подошла к нему и прислонилась лицом к его плечу.

«Не уходи!» – прошептали ее губы.

«Разве это важно тебе?» – спросил он

«Сегодня это стало мне очень важно», – ответила она.

Он обнял ее, подхватил на руки и мягко уложил в кровать. А потом они лежали вместе, не было бурных эмоций и крика, он чуть двигался в ней, как будто интуитивно чувствуя, что нравится этой женщине. Он нажимал там куда надо и как надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.